

63.

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ
И
МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

**Министерство Высшего и Среднего Специального Образования
Национальный Университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека**

**ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И
МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

(Учебно-методическое пособие)

Ташкент 2002 г.

Данное учебно-методическое пособие предназначено для студентов старших курсов гуманитарных факультетов и всех, кто интересуется многовековой историей Великого Шелкового пути.

Автор-составитель: преп.КОБЗЕВА О.И.

Ответственный редактор: акад.МУХАММЕДЖАНОВ А.Р.

1915

Рекомендовано к изданию на заседании Учебно-методического Совета Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека 16 января 2001 года (протокол № 2).

© Издательство “Университет” 2002 г.

Оглавление

	Стр.
Тема № 1: Великий Шелковый путь – сложное временно – пространственное историческое явление.	4
Тема № 2: История научного открытия и изучения Великого Шелкового пути в конце XIX – нач. XX вв.	25
Тема № 3: Сложение и функционирование Великого Шелкового пути в древности и средневековье.	32
Тема №4 : Роль Великого Шелкового пути в распространении духовной и культурной информации.	49
Тема № 5. Возрождение Великого Шелкового пути в Республике Узбекистан в условия независимости.	81

**Тема № 1: Великий Шелковый путь – сложное временно –
пространственное историческое явление.**

План:

- 1. Великий Шелковый путь – культурно – экономический мост между Востоком и Западом.**
- 2. Трассы Великого Шелкового пути.**
- 3. Источники и литература.**

Литература:

- 1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена – М:1950.т. 1-3.**
- 2. Ртвеладзе Э.В. Великий Шелковый путь. Энциклопедический справочник Т- :1999**
- 3. Петров Л.М. Великий Шелковый путь. О самом простом, но мало известном – М.:1955**
- 4. Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь. //Вопросы истории 1985.№9**
- 5. Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь /Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.:1988**
- 6. Радкевич В.А. Великий Шелковый путь. - М.:1990**
- 7. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. - М.:1987**
- 8. Горбунова Н.Г. Фергана по сведениям античных авторов. - М.:1976**
- 9. Дьяконова Н.В.,Сорокин С.С. Хотанские древности. – Л.:1960**

В истории человеческой цивилизации есть немало примеров длительного взаимовыгодного культурного и экономического сотрудничества между странами и народами с различными политическими, религиозными и этническими традициями. Например, существовал легендарный путь «из варяг в греки», довольно длительное время действовавший между Русью и скандинавскими странами (Швеция, Норвегия, Дания). Известен в истории и соляной торговый путь, который проходил по Африканскому континенту, пролегая в основном через пустыню Сахару.

Но самым значительным, широко известным в мире являлся Великий Шелковый путь, протянувшийся от берегов Атлантического океана до берегов Тихого, пересекавший весь Азиатский континент и соединявший страны Средиземноморья с Дальним Востоком в древности и средневековье. Это была не просто дорога или даже система дорог от океана до океана, это был сложнейший культурно-экономический мост между Востоком и Западом, соединявший народы в их стремлении к миру и сотрудничеству.

Возникновение Великого шелкового пути относится ко II в. до н.э. А сам термин «Великий шелковый путь» был введен в историческую науку учеными XIX столетия, после того как в 1877 году немецкий путешественник и географ Ф.Ф.Рихтгофен написал свою работу «Китай», в которой он впервые и определил этот торговый путь по восточным странам названием «шелковый путь».

Следует заметить, то что еще задолго до образования Великого шелкового пути на территории Центральной Азии и Древнего Востока существовали пути, которые служили целям войны и мира. По ним продвигались большие армии и малые отряды, разгорались кровавые битвы, распложенные вдоль них города подвергались нападениям; в мирное время эти пути служили связующими нитями политической, торговой и культурной жизни. Именно эту функцию всегда ценили народы.

Один из древнейших путей – «лазуриновый» - сложился еще в 3-2 тысячелетиях до н.э. Он начинался в горах Памира, проходил через Иран до Передней Азии и Египта. Полудрагоценный камень лазурит (ляпис – лазурь), добываемый в районе верхней Амударьи на Памире (в Бадахшане), высоко ценился ювелирами древневосточных государств, таких как Шумер(Двуречье) и Египет. При раскопках гробниц в них были обнаружены изделия из бадахшанского лазурита. Другой путь – знаменитая «царская дорога» Ахеменидов – связывал в VI-IV вв. до н.э. малоазийские города Эфес и Сарды на берегу Средиземного моря с одной из столиц Ирана и городом Сузы. Еще один путь вел из Ирана через Бактрию, Согдиану, Ташкентский оазис и территорию Казахстана до Алтая.

Существовали т.н. «стенной», «нефритовый», «золотой» и другие пути. В IV в. до н.э. Александр Македонский разгромил армию последнего ахеменидского царя Дария. Весной 329 г.до н.э. появился на границе Средней Азии. Несмотря на сильное сопротивление, Александр Македонский устанавливает здесь свое

господство. Им было основано большое число Александрий, самая далекая из которых находилась на берегах Сырдарьи, где ныне находится г. Ходжент. Огромное историческое значение походов Александра Македонского и Селевкидов заключается главным образом в активном проникновении в Среднюю Азию западной культуры. Если политическое подчинение греческими завоевателями Маргианы, Бактрии, Согды оказалось недолговечным, то процесс эллинизации, слияние греческой и среднеазиатской культур, способствовал интенсивному подъему духовной и материальной культуры. В течение этого периода сохранялись связи между Средней Азией и культурами Индии и восточного Средиземноморья.

Около III в. до н.э. стали устанавливаться контакты с Китаем. Известно, что китайский император Ву Ди в 138 г. до н.э. отправил своего сына посла Чжан Цзяня на поиски союзников в борьбе против хуннов, которые опустошали северные окраины Китая. Путешествуя, посол попал в плен к хуннам на целых десять лет. Ему удалось бежать и через высокие перевалы Центрального Тянь-Шаня выйти к Иссык-Кулю. Пройдя вдоль берега реки Нарын он попадает в Ферганскую долину. Для него явилось неожиданностью то, что в долине располагалось множество городов, объединенных в одно государство. Он пытался договориться с правителем Ферганской долины, но тот соглашался только на установление торговых отношений, и Чжан Цзянь представил императору подробный доклад о своем пребывании в Средней Азии, указал удобные пути для торговли, которые в последствии стали основой Великого шелкового пути. Император дал ему титул «Великий путешественник».

Сведения об обмене между Китаем и Средней Азией содержатся, в основном, в китайских хрониках начиная с I в. до н.э. по VII-VIII вв. н.э. Ранние свидетельства повествуют о дарственных подношениях, которые направлялись из стран среднеазиатского региона к императорскому дворцу. Отсюда также посылались дары, если Китай хотел привлечь на свою сторону кого-либо из тамошних владетелей. Из среднеазиатских даров особенно ценились знаменитые кони Давани, быstroногие скакуны, которых китайцы называли «небесными», «крылатыми». А ценились они потому, что в Китае существовала легенда: чтобы утвердить свою божественность и достичь бессмертия император должен был вознестись на небо при помощи упряжки неземных лошадей. Именно Чжан Цзянь завез в Китай «небесных» коней. Этот предприимчивый путешественник

вывоз из Средней Азии не только лошадей, но и корм для них – семена люцерны. Вскоре посевы люцерны распространились по всему Китаю.

Постепенно торговые отношения между Средней Азией и Китаем укрепляются. Каждый год императорский двор направлял по меньшей мере пять миссий на запад в сопровождении нескольких сот стражников. Они везли с собой шелк и металлические изделия, которые обменивали на лошадей, нефрит, коралл и другие товары из Средней Азии.

Китайские изделия предназначались не только для Средней Азии. Значительная потребность в уникальных шелковых тканях была в Персии и в государствах к западу от нее.

В Европе считали, что шелк растет на деревьях и что только китайцы знают секрет этой культуры. В период правления Октавиана Августа (I В.до н.э.) Рим платил за китайский шелк шерстяными товарами, специями и стеклянными изделиями. У китайцев же не было ни малейшего намерения опровергать легенды подобного рода, чем они обеспечили себе монополию и экспорт этой дорогостоящей ткани. Парфяне через территорию которых осуществлялась торговля, точно также не видели повода для того, чтобы распространять какие – либо сведения о технических аспектах изготовления шелка, однако получали из торговли им значительную прибыль, как и многие последующие династии, через земли которых проходили шелковые пути.

Первая встреча римлян с этой тканью не увенчалась особой славой. Марк Лициний Красс, член триумvirата, консул и римский наместник в Сирии, мечтал пройти по стопам Александра Македонского и повторить его победы на Востоке. В 53 г. до н.э. он повел семь легионов через Евфрат в бой против парфян. Однако не весть о победе или смятение по поводу поражения произвели фурор в Риме, а совершенно случайно событие, а именно открытие шелка. Оно было связано с поражением легионов.

Парфяне во время сражения для видимости обратились в бегство для того, чтобы затем молниеносно развернуться в седле и осыпать преследующих легионеров дождем из стрел - это был знаменитый парфянский выстрел. Кроме того, они неожиданно развернули огромные, светящиеся и переливающиеся на солнце знамена, напугав солдат на столько, что они сдались. Это стало одним

из самых тяжелых поражений Рима. А вышитые из золота знамена стали первыми шелками, которые когда – либо видели римляне.

Увиденная однажды, эта ткань в последующие столетия повергла Рим в «шелковую лихорадку»: Эту прохладную ткань, «легкую как облако» и «прозрачную как лед», римляне назвали – «китайская вуаль».

Караваны, выходявшие из Китая, направлялись к северным Тянь-Шанским горам пересекали территорию Средней Азии, а затем Хорасан (западнее, Амударьи) попадали в Месопотамию и к Средиземноморью.

Протяженность Великого шелкового пути составляла 12 тыс. километров, поэтому мало кто из торговцев проходил всю шелковую дорогу полностью. В основном они старались путешествовать посменно и обменивать товары где-то на полпути. На протяжении Великого шелкового пути в городах и селениях, через которые проходили караваны, находились караван-сарай(постоялые дворы). В них имелись худжры («комнаты отдыха») для купцов и обслуживающего караван персонала, помещения для верблюдов, лошадей, мулов и ослов, необходимый фураж и провиант.

Караван-сарай являлись местом, где можно было продать и купить оптом интересный для купца товар, а главное – узнать последние коммерческие новости и, прежде всего, цены на товары.

Хорезм, Согдиана и Фергана стали преуспевающими торговыми центрами. Шелковая дорога стимулировала потребность в среднеазиатских товарах, таких как лошади и кормовые культуры, а также виноград и хлопок. В городах ремесленники освоили новый вид ремесла: производство металлических изделий из стекла.

В I в. н.э. на территории Средней Азии образуется Кушанское государство, первым правителем которого был Кудзула Кадфиз. Столицей государства, вероятно, был город на месте Дальверзин Тепа, в долине Сурхандарьи. Во время правления Кудзулы Кадфиза в состав Кушанского государства наряду с южными районами Узбекистана и Таджикистана вошли Афганистан и Кашмир. В период правления Канишки(78-123 гг.н.э.) Кушанская держава расширяет экспансию на Восток: укрепляет свои владения в Индии, столица государства была переведена из Бактрии в Пешавар(на север Индии), а Кушанское государство превратилось в огромную империю, занимавшая территорию от Индии и Хотана до юга Узбекистана и Афганистана. Строятся новые города, развиваются ремесла и

устанавливаются торговые связи с Индией, Китаем и Римской империей. В торговле особенно высоко ценились лошади из Ферганы.

Именно в Кушанский период широкий размах принимает международная торговля, способствовавшая укреплению Великого шелкового пути. Направление торговых связей определялось следующим образом: на востоке – с Китаем, куда из Средней Азии везли шерстяные ткани, ковры, украшения, лазурит и породистых лошадей; а из Китая доставлялись шелковые ткани, железо, никель, меха, чай, бумага, порох; на юге – с Индией, откуда вывозили пряности и благовония. Путь в Индию был назван «висячим перевалом» из-за узких, повисших на большой высоте, карнизов в горах; на западе – через Иран с Сирией и Римом, где китайский шелк ценился на вес золота; на севере – через Хорезм с Восточной Европой.

Главная дорога проходила через Дуньхуан, Хами, Турфан, Кашгар, Узген, Ош, Куву, Андижан, Коканд, Самарканд, Бухару и Мерв. В Мерве (совр. город Мары в Туркменистане) Великий шелковый путь разветвляется.

Одна ветвь вела через Хорезм на Волгу, в Восточную Европу. Таким образом, товары из Китая, Индии, Средней Азии достигали Руси: Киева, Новгорода, а позже и Москвы. В Москве на рынке был особый, как его называли, «индийский» ряд, где торговали в основном восточные индийские купцы.

Другая ветвь шла через Балх и земли совр. Афганистана в Индию. Третья направлялась к Багдаду и далее к Средиземному морю. Здесь товары перегружались на корабли и попадали в Египет, Византию, Италию.

Примечательно, что кроме основных дорог Великого шелкового пути существовали и примыкавшие к ним караванные тропы. Известно, что существовал «золотой» путь. По мнению А. Сагдулаева, он был назван так из-за сказочных богатств Кураминских и Алтайских гор, а также реки Заравшан и шел в направлении к Папу и Заркенту, к поселениям рудокопов и стоянкам кочевников. А по мнению А. Аскарлова – это был путь в Сибирь, проходивший через Давань (Фергану) по побережью озера Иссык-Куль, по которому возили золото. Но вполне вероятно, что функционировали оба эти пути.

Существовал и так называемый «серебряный» путь, по которому шли караваны с центрально – азиатским серебром в те государства,

где его не хватало: через Хазарский каганат, Булгарское государство – в Киевскую Русь и страны Европы. Серебро, добываемое в рудниках Шаша и на горе Кухи – сим («Серебряная гора»), шло на чеканку монет. Судя по находкам серебряных монет – дирхемов на территории России, Германии и стран Балтики, они вывозились и как деньги, и как товар. Торговля в основном была меновая, деньги служили лишь единицей счета. Купцы оценивали свой товар в определенную сумму и меняли его на другой товар такой же стоимости.

С караванами на Запад и Восток по Великому шелковому пути шли купцы, дипломаты, искатели легкой наживы и приключений, простые труженики, ремесленники и земледельцы, а также паломники – пилигримы. Особенно много бродило по караванным путям буддийских монахов и служителей культа Будды. Их движение не было бесцельным, по сути, они осуществляли распространение религии. Постепенно буддизм из Индии проникает и в страны, расположенные вдоль Великого шелкового пути. Временем активного проникновения буддизма в Среднюю Азию датируется известное буддийское святилище Айртам (Северная Бактрия, II в. н.э.)

Особенно сильный центр буддизма был обнаружен археологами при раскопках в Термезе, в местечке Дальверзин – тепа. Здесь находится целый комплекс храмов, посвященных Будде. Судя по раскопкам, это был мощный и весьма долговременный центр буддизма на юге Средней Азии, откуда началось широкое распространение этой религии по всей территории Средней Азии, ставшей в период Кушанской империи государственной религией.

Затем по караванному пути буддизм постепенно распространился в Китай, далее двинулся в Японию, Юго-Восточную Азию и страны Индокитая.

Характеризуя источники, свидетельствующие о Великом шелковом пути, мы можем сказать, что данные о торговых связях населения Центральной Азии с окружающими его регионами восходят к III-II тыс. до н.э. Возникновению этих связей во многом способствовала разработка залежей полудрагоценных камней: лазурита (ляпис-лазури) в горах Бадахшана и нефрита в верхнем течении реки Яркент. Письменные и археологические источники свидетельствуют о существовании торгового пути, по которому из района Бадахшана в Иран, Месопотамию и далее в Сирию, Египет и Анатолию доставлялся лазурит – камень, высоко ценившийся на

Древнем Востоке. Этот путь проходил через Хорасан и северо-восточную Мидию. О значительном объеме перевозок по этому пути свидетельствует тот факт, что ассирийский правитель Тиглатпаласар III обложил области, расположенные по ту сторону Заира ежегодной данью в количестве, соответствующем 9 тоннам лазурита. В ахеменидский период эти связи значительно расширяются. Кроме лазурита в страны Передней Азии из Согдианы и Бактрии вывозили сердолик, а из Хорезма – бирюзу. На ряду с «лазуритовым» путем в древности существовал «нефритовый» путь, связывающий области Хотана и Яркенда с Северным Китаем. Как свидетельствуют материалы экспедиции европейских ученых XIX века А.Стейна, П.Пеллио и Ф.Бергмана, местное население освоило изготовление нефритовых изделий (полированных топоров) в неолитический период.

К какому времени восходит появление в Китае хотанского нефрита, сейчас сказать невозможно. В месте с этим можно считать доказанным, что в I тыс. до н.э. хотанский нефрит вывозился в Китай в значительных количествах. Находки нефритовых изделий чжоуского и раннеханьского периодов (X век до н.э. – I в. н.э.) по объему и численности значительно превосходят находки более поздних периодов.

В древнем Китае из нефрита изготавливались государственные регалии, нефритовые изделия играли важную роль в религиозных церемониях и украшали быт. Восхищение этим полудрагоценным камнем, привозимым издалека, отражен во многих письменных источниках того времени.

Среди текстов, относящихся к доханьскому времени и говорящих о хотанском нефрите, следует упомянуть доклад Ли Сы императору Цинь Шихуаньди (246-209 гг. до н. э.), где говорилось о поступлении в императорскую сокровищницу нефрита с гор Кунь (т.е. Куньлунь). Это свидетельство указывает на то, что западное княжество Цинь (территория современных провинции Шаньси и Ганьсу) играла ключевую роль в торговле хотанским нефритом. Чжан Цзянь, посетивший Центральную Азию в 130-115 до н.э., сообщал о добыче нефрита в Хотане для отправки его в Китай. Из его сообщения следует, что торговля нефритом существовала задолго до его поездки. Японский ученый Эгами Намио выдвинул гипотезу о том, что в качестве посредников в торговле нефритом выступили юэчжи, по его

мнению, занимавшее до III в. до н.э. обширные территории Западной Ганьсу и Восточного Туркестана.

До настоящего времени у нас очень мало данных как археологических, так и письменных, имеющих отношение к этой торговле. Торговым эквивалентом Китая для торговли в западном крае был шелк. Кроме того, установившаяся традиция посылать на Запад кочевникам шелковые ткани, засвидетельствована уже в доханьское время.

Первые известные нам письменные сведения о торговле шелком китайцев с западными соседями относятся к I пол. III в. до н.э. Так, в «Шицзи» сказано: «Ло из Уши(на территории современной Ганьсу) разводил скот. Когда скота становилось много, он приобретал редкости и шелковые ткани и посылал их в подарок правителю хуннов. Тот одаривал его скотом, цена которого вдесятеро превышало цену подарков» Среди подарков, взятых Чжан Цзянем в его дипломатическую миссию на запад, существенное место занимали шелковые ткани. Вероятно, по этому пути в долину Инда попала ткань *sericae*, о котором упоминает Непарх, один из полководцев Александра Македонского. По мнению другого японского ученого Харада Есито, это была гладкая шелковая ткань, изготовленная в Сичуй (западная граница – район современных провинций Шаньсу и Ганьсу), т.е. в той области, где впоследствии Птолемей поместил страну Серика. Единственным известным нам археологическим подтверждением бытования шелка в Восточном Туркестане в период Чжаньго является находка фрагментов шелковой газовой ткани с ромбическим узором в богатом погребении в Турфанском оазисе. Существует еще одно важное свидетельство существования торговых связей между Востоком и Западом в сер.I тыс. до н.э. Это – стеклянные изделия, центром производства которых, начиная со II тыс. до н.э. было Восточное Средиземноморье. Ближневосточные бусы, изготовленные из прозрачного стекла, были обнаружены в могильниках сакского времени(сер. I тыс. до н.э.) на Южном Памире (могильник Акбеит и Тамда) и Тянь-Шане (могильник Джергетал). Следует также отметить находку в могильнике Тамда и Аличур II фрагментов стеклянных браслетов. Кроме того, стеклянные бусы были обнаружены в Пазырыкских курганах на Алтае.

В орбиту этих связей в IV-III вв. до н.э. были, по-видимому, втянуты районы Восточной Индии. В «Артхашастре», согласно традиционной датировке, относящейся к IV-III вв. до н.э. есть

упоминания о шелковых лентах, происходящих из «китайской земли», т.е. из страны Цинь.

Важные сведения о бытовании в Центральной Азии товаров из областей Шу и Цюнду (современная провинция Сычуань) содержатся в главе 123 «Шицзи», в известиях о путешествии Чжан Цзяня на Запад. Сыма Цянь, в частности, пишет: «В бытность мою в Давань (Бактрии) я видел там бамбуковые посохи из Цюн и холсты из Шу и спросил, откуда они получают это? Жители царства Дася сказали мне, что купцы их ходят торговать в Шэньду» Более подробные сведения о путях проникновения этих товаров в Бактрию содержатся в гл.116 «Шицзи», где отмечается, что цюньские бамбуковые посохи и шуские холсты были приобретены у купцов из Шу.

Таким образом, древнекитайские тексты и данные археологических находок (прежде всего в Шичжацшане и Пазырыке) убедительно свидетельствуют, что во II пол. I тыс. до н.э. по «западному меридиональному пути» происходила значительная миграция населения и активная торговля. Южными ее контрагентами были купцы из Шэньду и Шу, северными – бактрийские торговцы. Изменившаяся в последующие века политическая ситуация значительно ограничила связи по «западному меридиональному пути», хотя движение по нему продолжалось.

Со временем существование «западного меридионального пути» совпадает функционирование «степного пути», связывающего побережье Черного и Азовского морей с Центральной Азией. Первые дошедшие до нас сведения о направлении этого пути и живущих вдоль него народах содержит поэма «Аримаспея» Аристея Проконнесского (VII в. до н.э.) Эта поэма сохранилась во фрагментах и последующих кратких пересказах Геродота и других авторов.

В «Истории» Геродота дается достаточно подробное описание этого важного торгового пути. Если нанести описанный Геродотом путь на карту, то становится очевидным, что торговые караваны начинали свой путь в Танаисе и шли вверх по Дону через земли савроматов до современного Волго-Донского канала. Затем путь шел в район Оренбурга, где находились леса, населенные будинами. После этого дорога поворачивала на восток к югу от Уральских гор через засушливые области Большого Иргиза и Общего Сырта, называемые Геродотом –пустыни. Далее на восток дорога окаймляла «лесную степь», где по течению Тобола и Ишима жили иирки. Близ современного Семипалатинска мы находим «другие скифские

племена». Пройдя их земли, караваны попадали на каменистую равнину, представляющую собой отроги Алтайских гор. Торговый путь заканчивался в стране агриппеев – народа, у которого «как мужчины, так и женщины лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками» Наиболее, на наш взгляд, вероятное место пребывания этого народа – в верховьях Иртыша, в районе оз.Зайсан.

Об активности торговых и прочих контактов на этом пути существует важное свидетельство Геродота: «Страны до этих лысых людей и народы, живущие по ту сторону их, хорошо известны, так как к ним иногда приходят скифы. Ведь сведения о них можно получить не только от скифов, но и от эллинов из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов. Скифы же, когда приходят к агриппеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на 7 языках» За агриппеями находились «высокие неприступные горы», которые можно отождествить с Алтайским хребтом. Используя сведения Аристеев, Геродот говорит еще о 3^x народах: исседонах, до которых доходил Аристеев, аримаспах и гипербореях. Многие ученые помещают исседонов Аристеев в степи и лесостепи Зауралья. Соответственно земля аримаспов отождествлялась с Монголией.

Связи между Южной Сибирью и древними цивилизациями Передней Азии в сер. I тыс. до н.э. осуществлялись по пути, идущем из ахеменидского Ирана через Восточный Туркестан, в Туву на Алтай и Минусинскую котловину. Восточная часть этого пути, от Восточного Туркестана до Южной Сибири, по-видимому, совпадала с «кыргызским путем» средневековых китайских и арабских письменных источников. О связях Южной Сибири с Ближним Востоком свидетельствуют уникальные находки из Пазырыкских курганов. Упомянем такие шедевры ахеменидского искусства, как ковер и художественная шерстяная ткань с изображением ритуальной сцены. О значительной древности этих связей, восходящих к VIII в. до н.э. говорят и находки в кургане Аржан (Тува) шерстяных тканей ближневосточного происхождения. Восточный отрезок этого пути, вероятно, соприкасался с северной частью «западного меридионального пути», по которому в Центральную Азию поступали изделия из юго-западного Китая. Возможно, что этот путь был как-то связан со «степным путем», описанным Геродотом.

Во II-I вв. до н.э. происходит освоение пути, или, точнее, сети дорог, связывающих основные культурные регионы Евразии. В XIX в.

эти трассы были названы «Шелковый путь», и с течением времени это название стало общепринятым.

Сведения о направлении указанных дорог и о перевозимых по ним товарах содержат 2 группы письменных источников: китайские и античные. Важные материалы, существенно дополняющие данные текстов, дали археологические раскопки, производившиеся на различных участках Великого Шелкового пути с начала этого столетия.

Как свидетельствуют «Описания Западного края» китайских династийных историй, в первый период существования Великого Шелкового пути через Восточный Туркестан проходили 2 основные дороги: Южная(Наньдао) и Северная(Бэйдаоу).

Начинавшаяся в Юймыне Южная дорога, «выходя из Шаньшаня(район Лобнора) шла вдоль северного склона южных гор(Куньлунь), вдоль Реки (Яркенд) и далее на запад до Шачэ(Яркенд)». Далее дорога вела в Ташкуртан и Вахан. Из Вахана шло два пути: первый из них на запад в Балх и далее в Мерв, Гекатомпил, Экбатану, а затем в Ктесифон. Оттуда путь следовал по древней ахеменидской дороге через северную Месопотамию в Сирию до Антиохии. После усиления Пальмиры во II-III вв. дорога шла через Сирийскую пустыню, проходя Пальмиру и заканчиваясь в Дамаске. Путь из Вахана на юг проходил через Гилтит и Кашмир в Гандхару, заканчиваясь в Барбариконе(устье Инда) и Баригазе.

Северная дорога, следуя через Лоулань, «вдоль северных гор (Тянь-Шань) и по реке (Тарим) шла на запад до Шулэ (Кашгар)» Узловым пунктом на этом пути был Карашарский оазис (Яньцы), куда направлялись караваны, идущие из Лоуланя (Крорайны). Из Кашгара «северный путь» вел через перевал Терекдавань в Ферганскую долину и оттуда в земли Канцзуй (Мавераннахр), Яньчай(район Нижней Волги и Приуралья), оканчиваясь в Северном Причерноморье.

В связи с изменением политической обстановки в Центральной Азии и под влиянием климатических факторов направление путей менялось. В III-IV вв. н.э. на участке «южного»пути от Черчена до Хотана в древних оазисах Эндере, Нии, угасает жизнь и дорога отклоняется к югу, проходя близ северных отрогов Куньлуна.

Важные сведения о направлении путей, связывающих Запад и Восток в первые века новой эры, сообщает труд «Вэйлюэ», составленный в первой пол. III в. н.э. Юй Хуаном. В нем отражены изменения в системе дорог проходивших через Восточный Туркестан.

Так, Юй Хуан подробно описывает отрезок от Дуньхуана через «Барханы белого дракона» в Лоулань и далее в Кучу. Эту дорогу, ведущую на запад и совпадавшую со старым северным путем, Юй Хуан называет Средним путем (Чжундао); ее также называли Прямым путем (Цзиндао). По данным «Цяньханшу», в начале I в. н.э. начинает функционировать Новый путь (Синьдао), следующий из Юймьнгуаня через безводную пустыню в Лючжунь и далее в Цзяохе (Турфанский оазис) и Куча, где он сливался со Средним путем. Как свидетельствует «Вэйлюэ», роль Нового пути в торговых контактах между Западом и Востоком к III в. значительно возросла. Большой интерес вызывают сведения «Вэйлюэ» о появлении Северного пути (Бэйсиньдао), который, выходя из Юймьнгуаня и обходя пустыню с востока, вел в Иу (Хами) и далее шел на запад вдоль северных отрогов Тянь-шаня.

В античном мире первые сведения о существовании торговых путей, связывающих страну серов (Восточный Туркестан и Северный Китай) с Индией, появляются в сочинении Псевдоарриана «Перипл Эритрейского моря», датированном II пол. I в. н.э. Значительно более подробные данные о Великом Шелковом пути содержатся в «Географическом руководстве» Птолемея, написанном в сер. II в.

Неточность и неопределенность координат и расстояний, приведенных Птолемеем, затрудняет определение местонахождения Каменной башни и находившегося близ нее г. Горметериона, которые являлись основными перевалочными пунктами для западных купцов, идущих с караванами в Серу. Говоря о Горметерионе, Птолемей уточняет, что он находился в Скифии, лежащей по ту сторону горы Имай, близ страны Касия.

На начальном этапе изучения этой проблемы, в первой пол. XIX в. Каменную башню помещали в Ташкенте или Оше. Сторонники первой точки зрения в этом предположении опирались на этимологию топонима Ташкент (Каменный город), а также на данные, содержащиеся в книге Бируни «Индия». Э. Уилфорд, а вслед за ним К. Риттер, А. фон Гумбольдт и К. Лассен отождествляли Каменную башню со Священной горой Тахти-Сулейман в окрестностях г. Ош. Согласно этой гипотезе, дорога, описанная Птолемеем, вела из Бактры в Самарканд и далее через Ташкент или Ош в Кашгар.

Ввиду своей несостоятельности к 60 годам XIX в. северный вариант был отвергнут, и на смену ему появляются теории южного и среднего вариантов. Сторонники южных вариантов Х. Юл в поздних

работах, Х.Роулинсон, Ж.-Б. Пакье, В.Томашек, Й.Маркварт и А.Стейн в своих первых работах помещали Каменную башню в районе Ташкурмана, и, т.о., по их мнению, путь, описанный Птолемеем, шел через Вахан до Ташкурмана и далее к Яркенду.

В упомянутой выше работе «Китай», известный немецкий географ Ф.Ф.Рихтгофен развил точку зрения, высказанную первоначально Х.Юлом в его ранних работах, согласно которой путь из Балха шел на север, пересекая Амударью близ Термеза, по долине Сурхандарьи, вдоль Вахша через Каратегин, Алайскую долину и далее в Кашгар. К этой точке зрения примкнули В.Томашек и Й.Маркварт. Каратегинский вариант был поддержан исследованиями Н.А.Северцова, Гренара и многочисленными работами А.Стейна, после длительных изысканий, А.Геррманна, посвященных Шелковому пути и исторической географии Центральной Азии, эта точка зрения стала господствующей. Важным аргументом в пользу каратегинского варианта были сведения, приведенные Ибн Русте в «Худуд аль-алам» (нач. X в.), где он упоминает область Кумит (Кумед), расположенную в верховьях Вахша. Сыграли роль и сходные сообщения других арабо-персидских авторов. Эту область сторонники «среднего пути» отождествляли с «горной страной комедов» Птолемея.

Современные ученые полагают, что Каменная башня соответствует району – Дараут – Курмана в Алтайской долине. (Ртвеладзе Э.В., 1999)

Ценные сведения о двустороннем движении по южному отрезку Великого Шелкового пути из (Вахана через Каракорумский хребет) могут доставить многочисленные наскальные надписи и рисунки, обнаруженные в верховьях Инда в районе Гилгита экспедицией под руководством К.Йеттмара. Эти надписи и рисунки датируются I-VIII вв. и большинство их относится к кушанскому времени (II-II вв.) Они выполнены различными индийскими письменностями (кхарошти, раннее и позднее к брахми); имеются бактрийские, парфянские и китайские надписи. Значительная часть их – на согдийском языке. Эти надписи и изображения, оставленные войнами, кушанскими, согдийскими и китайскими купцами, художниками, буддийскими монахами и паломниками, являются как бы «регистрационной книгой проезжающих по Шелковому пути».

Движение по бактрийскому участку «южного пути» зафиксировано знаменитыми находками в афганистанских городищах

Тилля-тепе(I-II в.) и Баграме (III в.) Среди находок отчетливо выделяются вещи эллинистического круга(ювелирные изделия, изделия из бронзы и стекла, гипсовые печати, монеты).

Подобно тому как для древних греков «степной путь»был главным источником поступления шкур зверей, так и для древних китайцев «северный путь»был «меховым путем». В Ханьской империи особенно ценились соболиные меха из страны Янь, расположенной в Южном Приуралье и в бассейне Камы. Часть мехов, попадавших в Восточный Туркестан, по свидетельству Псевдоарриана, по «южному пути»перевозилась в Индию и оттуда на кораблях - в Римскую империю.

Для изучения торговых связей по этому пути исключительно важное значение имеют находки из северокавказского могильника Мощевая балка, изученные А.А.Иерусалимской. Как свидетельствуют материалы могильника, торговля по этому пути, начавшаяся во 2 пол. VI в. продолжалась и в VIII-IX вв. Значительное место среди находок занимали согдийские шелковые изделия, составлявшие более 60 % привозимых тканей. О прямых торговых связях с Танской империей свидетельствуют находки большого числа тканей китайского производства(гладкие, комчатные, полихромные ткани и набойки) составлявших 18-20 % привозного текстиля. Значительный интерес представляет комплекс «документов китайского купца», куда входят китайские тексты (фрагменты художественных произведений, личные прихода-расходные записи.

Важным свидетельством торговых связей, осуществлявшихся в нач. VIII в. по «средней дороге»(согласно Пэй Цзюю) через Самарканд, являются известные находки на горе Муг. Обладая к тому времени высокоразвитой техникой производства художественных тканей, согдийцы продолжали вывозить шелковые ткани из Танской империи, что подтверждается обнаружением на горе Муг значительного количества разнообразных китайских тканей (гладких, комчатных, полихромных). Находки в могильнике Астана и в «замурованной» пещере Дуньхуана согдийских тканей «занданачи» свидетельствуют об активной в то время двусторонней торговле по «средней дороге».

Ключевая роль Ирана в торговле на Великом Шелковом пути, которую он начал играть при Перрозе, также засвидетельствовано многочисленными находками монет этого государя-всего 122 экз. В свою очередь, поддержка Китаем Сасанидов в период завоевания

Ирана арабами и эмиграция значительного числа сторонников павшей династии в Восточный Туркестан и Китай засвидетельствованы находками 593 монет Хосрова II Парвиза(591-628), двумя монетами его дочери Борандухт(630-631) и тремя монетами последнего сасанидского шаха Йездегерда III (632-651)

Византийские монеты, найденные в Туркестане, датируются периодом от правления Феодосия II (480-450) до Юстина II (565-578). Весьма вероятно, что значительная часть этих монет попадала на Восток по «северному пути», проложенному Менандром и согдийскими купцами. Подтверждением тому может служить находка золотой византийской монеты в могиле согдийского купца Кан Ада близ Дуньхуана. Являясь международной валютой, сасанидские и византийские монеты в V-VI вв. имели широкое хождение в Восточном Туркестане и на Западе Китая. Наряду с «дипломатическими» на Великом шелковом пути использовались и другие каналы для ведения торговли. По данным письменных источников и текстов, обнаруженных в Цзюйяне, в Восточном Туркестане и Западном Китае существовали «лагерные» рынки (цзюньши) (возникли еще в период Чжаньго), «рынки на заставах» (гуаньши), или «иноземные рынки(хуши), и обычные городские рынки. Яркое свидетельство о расцвете международной торговли на Великом шелковом пути в VI в. содержится в «Записках о монастырях Лояна»: «От гор Цинлина и далее на запад до страны Дацинь (Византия) из сотен стран и тысяч городов не было таких, кто бы не хотел прибыть сюда. Иноземные купцы и приезжие барышники день за днем стремились к заставам. Тех, кто поселялся в столице, счесть было невозможно. Все труднодоступные товары Поднебесной имеются здесь».

Нечто подобное наблюдал в 30-х годах VII в. китайский путешественник Сюаньцзан, направляясь в Индию: «Нет таких крупных городов, примыкающих к Хэси (область к западу от Хуанхэ), где безостановочно не двигались бы в разных направлениях западные иноземцы, купцы с подручными, торговые караваны из многих стран.

Важную роль в торговле (прежде всего шелка) на Великом Шелковом пути играли согдийцы. Их проникновение в Восточный Туркестан относится к IV-III вв. до н.э., значительные согдийские колонии и поселения зафиксированы в главных центрах караванной торговли Средней Азии, Восточного Туркестана и Зап.Китая начиная с первых веков новой эры. Письменные сведения о существовании

согдийской общины в узловом пункте Великого шелкового пути – Дуньхуане – восходят к IV в. н.э. По данным согдийских «старых писем», она насчитывала не менее 1000 человек. Значительные согдийские колонии находились в то время и в других важных торговых центрах Западного Китая – Гуцзане(Лянчжоу) и Дзюцуане(Сучжоу), где жил Нанай- Вандак – один из авторов «писем». По данным китайских письменных источников, эти колонии существовали и вели активную торговую деятельность и в танское время. Значительное число согдийских купцов жило и в танской столице Чанъане.

По «южному пути» согдийские караваны через Памир шли в Северную Индию. Об этом свидетельствуют многочисленные наскальные согдийские надписи, открытые в верховьях Инда К.Йеттмаром. В главном центре «южного пути», Шаньшане, в первой пол.VII в. выходцы из Самарканда основали обширную колонию, состоявшую из нескольких поселений.

Проникновение буддизма в Китай явилось прямым результатом развития торговых контактов по Шелковому пути. О тесной связи пропаганды буддизма с торговой деятельностью свидетельствует то, что буддийская религия в Китае начала распространяться не в простонародье, а в среде знати, покупавшей предметы роскоши из Западного края и попадавшей под влияние западной культуры. Первые буддийские общины появились в Лояне, где зафиксирована главная колония западных купцов в Китае. О непосредственной роли купечества из Западного края в распространении буддизма в Китае говорит биография парфянского купца Ань Сюаня, прибывшего в 181 г. с торговой миссией в Лоян и затем ставшего членом буддийской общины, основанной известным проповедником парфянином Ань Шигао. Сыном согдийского купца был также буддийский проповедник III в. Кан Сэнхуэй.

В танское время активизируется движение по труднодоступной дороге, ведущей из Восточного Туркестана через Цайдам, Тибет и Непал в Индию. Этим путем, в частности, в 50- 60х гг. VII в. прошел буддийский паломник Сюаньчжао. В X-XII вв. значение этого пути еще более возросло, и, как свидетельствуют материалы из «мертвого города» Хара-Хото, он стал главным каналом распространения индо-буддийского влияния в Центральной Азии.

Интересные данные о путях движения паломников из Китая в Индию дают «Жизнеописания известных монахов Великой Тан, и

ищущих Закона в Западном крае», составленной во II пол. VII в. И Цзином. Из 65 паломников, упомянутых И Цзином, 14 человек для путешествия в Индию воспользовались путями, идущими через Восточный Туркестан, 8 – прошли через Тибет и Непал; 41 паломник путешествовал морским путем через Малаккский пролив и Ланку(данные о 2х монахах не сохранились). Что касается обратного пути из Индии в Китай, то судя по сохранившимся жизнеописаниям 24 монахов, Великим шелковым путем через Восточный Туркестан прошло 9 человек, через Непал и Тибет – 5 человек и морским путем воспользовались 10 паломников. Эти данные свидетельствуют о начавшемся повышении роли морских связей в ущерб старым сухопутным путям.

Во второй пол. VIII в. в системе международных связей Центральной Азии происходят значительные изменения. В результате тибетского вторжения в Восточный Туркестан и Зап. Китай за несколько десятилетий (60-90 гг. VIII в.) весь центральный участок Великого шелкового пути, от Ичжоу до Ганьсуского коридора, попадает под тибетский контроль. Все это создало серьезные помехи сухопутной трансконтинентальной торговле и культурным контактам, быстро пошедшим на убыль.

Одним из важнейших последствий этих событий явилось возобновление активных миграций центрально-азиатских кочевников по старой дороге, связывавшей Восточный Туркестан с Северной Монголией. В танское время эта дорога получила название «уйгурского пути»(хуэйху лу). «Уйгурский путь» шел из Бэйтина к озеру Баркуль и далее на северо - восток к столице Уйгурского каганата Харабалгас. Впервые этот топоним встречается в «Записях о поездке Укуна в Индию». Укун (Чэ Фэнчао) в 715 г. во главе посольства побывал в Цзибине(Кашмир). Миновав по «старому северному пути» Ганьсуньский коридор, Кучу, Карашар, и Памир, он в 753 г. прибыл в Индию. Вскоре после приезда Укун принял монашество и 35 лет провел в различных буддийских монастырях. Решив вернуться на родину со священными текстами, он в 789 г. прибыл в Бэйтин (Бешбашлык). Там он обнаружил, что дорога через «песчаную реку», (т.е. Гоби) в результате тибетского вторжения стала непроходимой. Тогда он вместе с группой танских чиновников направился «уйгурской дорогой» из Бэйтина в Китай. В связи с тем что, уйгурский каган исповедовал манихейство и отрицательно относился к буддизму, Укун, не решившись брать с собой вывезенные

из Индии сутры, оставил их в местном буддийском монастыре. В 790 г. бывший танский посол благополучно возвратился в Чанъань. Детальное описание отрезка пути из Харабалгаса через Ордос и северную излучину Хуанхэ в Чанъань содержится в «Записях о сопредельных с Китаем территориях»(Хуанхуа сыда цзи) – комментарий к «Синьтаньшу».

Южный вариант «уйгурской дороги» - из Бэйтина через Тунчэн(Ордзина,Хара-Хото) и Ордос в Центральный Китай назывался «дорогой ветров».

Усиление в IX в. кыргызов – хакасов, ставших на полстолетия главной военной и политической силой в Центральной Азии, оживило движение торговых караванов по древнему пути из северных областей Восточного Туркестана в Южную Сибирь. Основные сведения о «кыргызском пути»приводит Гардизий в «Зайн ал – Ахбар»(сер.XI в.).

По кыргызскому пути велась интенсивная торговля древнехакаского государства с Танской империей, оазисами Восточного Туркестана и странами Среднего Востока.

Дорога через безбрежные пространства Центральной Азии для торговых караванов была нелегкой. Особую трудность для путников представляла безжизненная пустыня в районе Лобнора (барханы белого дракона). Об этой пустыне в династийной истории «Бэйши»сказано: «Если ехать по южной дороге, то к северо-западу от Цзюймо(по течению р.Черчен) на несколько сог ли – сыпучие пески. В летнее время там дуют горячие ветры, приносящие бедствия путешественникам. Лишь старые верблюды, когда поднимается этот ветер, начинают кричать, собираются вместе и прячут морды в пески. Люди считают это предупреждением и сразу же покрывают рот и нос шерстяными тканями. Этот ветер быстро проходит. Однако тот, кто не закроется, может погибнуть».

Безжизненная пустыня находилась и на «новой северной дороге», ведшей от Дуньхуана к Гаочану(Турфан). Как говорится в «Чжоушу»: «На протяжении всей дороги от Дуньхуана к этой стране(т.е. Гаочану) – вокруг пески и скалы, и невозможно точно определить дорогу и расстояние. Лишь по скелетам людей и животных и по конскому и верблюжьему помету возможно определить правильный путь.

После того как пустыни оставались позади, путешественников, отправлявшихся далее на запад, ждал тяжелый полумесячный

переход через Памирское нагорье. Эта дорога «очень тяжела для путешествия и со многими опасными ущельями. Скалы вздымаются вверх на громадную высоту. Если человек посмотрит вниз, у него кружится голова, и если захочет идти вперед, то не найдет место, куда поставить ногу». Далее дорога шла по «выемкам в великой скале с тропинкой с шириной в 1 чи и 6 или 7 цуней. Так она идет на расстоянии 30 ли по ущелью неизмеримой глубины. Путешественники, едущие на лошадях или идущие пешком, держатся друг за друга или тащат друг друга при помощи веревок ». Лишь после такого пути длиной более чем 20 ли они достигают «Висячего перехода» через р. Инд.

По подсчетам А.Геррманна, длина пересекающего Восточный Туркестан «среднего пути(«старого северного пути») составляла примерно 1700 километров. Для преодоления этого расстояния каравану требовалось 7 недель. Примерно столько же времени предстояло потратить каравану, следовавшему по «южному пути» от Яркенда. Расстояние по «новому северному пути», через Турфан, составляла 2100 км, и караваны проходили его за 9 недель.

Несмотря на безводные пустыни и труднопроходимые горы, по Великому шелковому пути в обоих направлениях шли караваны. Переходы по пустынным пространствам Центральной Азии были возможны лишь благодаря наличию многовекового опыта у местного населения – обитателей оазисов Сериндии. Местное население с глубокой древности разводило двугорбых верблюдов бактрийской породы.

Знаменитый буддийский паломник Сюаньцзан, посетивший в 30-40 гг. VII в. в оазисы Восточного Туркестана, в «Сиюйцзи» пересказывает легенду о проникновении культуры шелководства в Хотанский оазис. Согласно легенде, жена владельца Хотана, дочь государя соседнего владения, тайком привезла с собой грену шелковичных червей и ввела Хотане шелководство. Содержащиеся в легенде слова «бабочки улетают, а из сырца приготавливали ткани» свидетельствуют, на наш взгляд о том, что на первых этапах существования шелководства в Хотанском оазисе местное население, подобно тому как это имело место в Карашаре и Турфане, изготавливала ткани из скрученных нитей шелка – сырца после того, как бабочки покидали кокон. Как указывает Цзи Сяньлинь, события, описанные Сюаньцзаном, имели место в 419 году. Таким образом, V в. был временем распространения культуры шелководства в оазисах

Восточного Туркестана. В том же V в. культура шелководства достигает Мерва и оттуда к концу V и началу VI в. проникают в Восточный Иран, юго-восточное побережье Каспийского моря. В VI в. происходит быстрое распространение культуры шелководства вдоль западной части трассы Великого шелкового пути.

Во 2 пол. VI в. культура шелководства проникает в Византию. Сведения об этом сохранились в 3-х письменных источниках – «О готских войнах» Прокопия Кесарийского, «Аналах» Зонары и «Выписках» Феофана Византийского. Эти тексты повествуют, что по повелению императора Юстиниана I некие монахи (согласно Феофану – персы) из Сериндии тайком привезли в Византию яйца шелколичных червей.

Шелк и бронзовые зеркала, которые шли на Запад, шерстяные и стеклянные изделия, поступавшие на Восток, составляли не менее $\frac{3}{4}$ общего объема торговли на Великом шелковом пути. Вместе с тем ассортимент товаров, перевозившихся по Шелковому пути, главным образом с Запада на Восток, по данным многочисленных источников (текстов, изобразительного материала, археологических раскопок), весьма внушителен. Представление об этом можно получить по классической работе Э. Шефера. Главным итогом торговой активности на Шелковом пути был плодотворный обмен духовными и материальными ценностями, что оказало значительное влияние на всю средневековую историю культуры народов Евразии.

Тема № 2: История научного открытия и изучения Великого Шелкового пути в конце XIX – нач. XX вв.

План:

- 1. Начало научного изучения Шелкового пути.**
- 2. Работы западно-европейских ученых на Великом Шелковом пути.**
- 3. Экспедиции русских ученых на Великом Шелковом пути.**

Литература:

- 1. Наследники Шелкового пути. - Штудгард, Лондон:1997**
- 2. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье – М:Наука. 1988**
- 3. История отечественного востоковедения. - М.:Наука.1990**
- 4. Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. – Спб: 1873**
- 5. Грум – Гржимайло Г.Е. «Вдоль Южного Тянь – Шаня» - Спб: 1896**
- 6. Гедин С. В сердце Азии. т. 1-2 Спб:1899**
- 7. Литвинский Б.А. Изучение древней истории и культуры Восточного Туркестана в Отечественной и зарубежной науке //НАА.:1982. №1**
- 8. Литвинский Б.А. Труды А.фон Лекока по древней культуре Восточного Туркестана //НАА.1981, №4**
- 9. Ртвеладзе Э.В. В стране викингов изучают нашу историю. //Народное слово. 2000. Декабрь.**
- 10. Кобзева О.П. Великий Шелковый путь: вчера, сегодня, завтра. // Хозяйство и право. 2000. №1.**
- 11. Кобзева О.П. У истоков научного изучения Великого Шелкового пути. //Узбекистон тарихи. 2000. № 4.**
- 12. Кобзева О.П. Марк Аузел Стейн – новый археолог Шелкового пути. //Вестник НУУз. 2000. № 4.**

Древний Великий Шелковый путь на протяжении многих веков связывал Восток и Запад. Начиная со II в. до н.э. это переплетение торговых путей значительной протяженностью соединяло Китай с

Римской империей, способствовало распространению религиозных, культурных и художественных идей.

Великий Шелковый путь, чье первичное открытие (138 г. до н.э.) было связано с именем знаменитого китайского путешественника, дипломата, офицера дворцовой стражи Чжан Цзяня и императора Ву – Ди, достиг особенно большого развития на рубеже I-II вв., когда в Китай и из Китая ежегодно отправлялось по несколько посольств, сопровождавшихся большими торговыми караванами. Торговали с Китаем, в основном, среднеазиатские купцы – посредники. И хотя в 97 году китайский путешественник Гань Ин достиг Персидского залива, а в 100 году македонянин Май Тициан сумел добраться до Ланьчжоу, трудности пути не позволили установить непосредственные связи Китая с Римом.

В III-VI вв. Великий Шелковый путь использовался преимущественно, как дорога пилигримов, по которой буддийские монахи шли из Китая в Индию и обратно. В VII-X вв. международное значение В.Ш. пути вновь усилилось – установились связи Китая с Византией и арабами.

Все это время и в последующем главным товаром на В.Ш. пути был шелк, благодаря своей легкости, компактности, громадному спросу и дороговизне. Шелк перевозился в кусках. Длина и ширина шелковых тканей регламентировалась законом. Так, для ханьского времени ширина шелковых тканей составляла примерно 0,5 метра, длина 9 м. А.Стейн (первый археолог Шелкового пути) обнаружил близ Дуньхуана кусок гладкого шелка с иероглифической надписью. В надписи сообщалось место изготовления, размеры, вес и цена куска шелка.

Помимо шелка из Китая везли шелк, фарфор, фаянс, керамическую посуду, золото, железо, оружие, рис, скот, вино, бумажную вату, вышивки, зеркала, лаковые изделия, бамбук. Вьетнам поставлял жемчуг, драгоценные камни, ювелирные изделия, рога носорога, перья зимородка.

Индия предлагала для выгодного взаимобмена золото, серебро, олово, железо свинец, шерстяные ткани, ковры, благовония, пряности, перламутр, леденцовый сахар, уздечки, панцири черепах, носорогов, слонов.

Персия и страны Передней Азии торговали краской для бровей и волос, посудой, оружием, коврами, гобеленами, древесиной, драгоценными камнями.

Из Средней Азии на экспорт шли ткани, ковры, лошади, вышивки, паласы, самаркандские персики, саженцы растений, дрессированные звери, приправы, вино, украшение, цветное стекло, самаркандская бумага. Особенно ценились среднеазиатские лошади с «кровоавой испариной»(как их называли в Китае).

Уйгуры продавали китайцам одного коня за 4,5 куска шелка, а во II пол.VII в., стоимость лошадей возросла до 10 кусков шелка. Активно участвовали в торговле на Великого Шелкового пути страны Малой Азии(поставляли: металлы, ткани, ювелирные изделия), Восточного Средиземноморья(стекло, хрусталь, кедр, ляпис – лазурь, золото, серебро), Европы(золото, серебро, янтарь).

Основным объектом обмена с кочевой степью являлся конь, затем шли овцы, кожи, рыбий клей, вяленое мясо.

Именно на Великого Шелкового пути впервые были проведены чековые операции. По всему пути примерно через каждые 25-30 км (дневной переход караванов) были расположены караван-сарай. В них имелись худжоры – 2х, 3х комнатные секции для купцов и их слуг и вблизи специальные помещения для животных. К услугам постояльцев в караван-сарай имелся целый штат прислуги: брадобреи (они же и оказывали мед. помощь), писари, кузнецы, переводчики, прислуга, стража. Иногда караваны были очень большими. Один из них, как свидетельствуют письменные источники, - караван, отправленный в 922 г. арабским халифом аль - Муктадиром царю Булгар состоял из 3000 вьючных животных и 5000 чел., среди которых, кроме слуг, охраны, купцов были художники, зодчие, дипломаты, ученые, путешественники.

В XIII – XIVвв. Великий Шелковый путь играл большую роль, соединяя воедино отдаленные районы огромной монгольской империи.

Марко Поло посетивший Китай в XIII - XIV вв., впервые назвал сложное переплетение караванных дорог «шелковым путем»,хотя он, с таким же успехом, мог бы называться «хлопковым, стеклянным и т.д.»

С XV в., в связи с развитием морских сообщений он начал терять свое значение и постепенно пришел в упадок.

Некогда могущественные богатые города на Шелковом пути были занесены песком, высокогорные карнизы – мостики – овриги обвалились, караванные тропы заросли травой...

Наступил XIX в. Век в котором внимание Европы было обращено на «Внутреннюю Азию», а именно на Туркестан, ставший зоной интересов сразу нескольких крупных европейских держав.

Если первоначальное открытие Великого Шелкового пути было случайным и побочным результатом политических обстоятельств(император Китая Ву-Ди искал союзников для борьбы с хунну), то и второе его «открытие»во 2 пол. XIX в. стало сродни первому.

В путь через заснеженные перевалы Каракорума, в эту «ничейную» землю, в самое сердце Азии с тайной миссией отправляется ищущий приключений молодой человек. Это был индеец Мухаммад ибн Хамид. Цель его путешествия, по заданию королевы Англии состояла в сборе информации о возможности вторжения вражеской армии в пределы английского влияния и разведки оазисов в Такла-Макане.

Миссия была рискованной, и в плане личной безопасности и политически, т.к. это была область соприкосновения Китая и России.

Мухаммад ибн Хамид отправился в путь в1860 г. но в дороге заболел и умер, собрав однако кое - какие сведения.

Расследование его смерти, показавшейся загадочной, было поручено ассистенту по гражданским делам Ульяму Джонсону. Он опроверг подозрения в убийстве М. Хамида, нашел его дневники и передал их капитану Т.Г.Монтгомери из Картографического общества Британской Индии, отвечавшего за составление карты Британской Индии и приграничных территорий .

В записках Хамида рассказывалось о обнаруженных им засыпанных песком городах с богатейшей культурой и многочисленными золотыми кладями, а также о находке легендарного маршрута через Такла-Макан. Завеса над тайной Великого Шелкового пути была приоткрыта.

В 1877 г. в Берлине, в издательстве Д.Райнера вышла в свет многотомная монография Фердинанд Фрайхерн фон Рихтгофена «Китай. Результаты собственных путешествий и последующего глубокого изучения»

Ф.Ф. фон Рихтгофен(1833-1905) – немецкий географ и геолог, член берлинского географического общества – исследовал природу Китая, установил основные черты орографии Азии, был одним из основоположников немецкой геоморфологической школы. Во время своих неоднократных путешествий в Китай он изучал не только

географию, геологию, геоморфологию, фауну и флору этой страны, но и религию, гос. устройство, обычаи и нравы, духовную жизнь народа, его историю, начиная с глубокой древности. Ф. Рихтгофен разделил свой обширный труд на 4 части. Каждая часть делилась в свою очередь на разделы, периоды, подтемы. Именно в этом сочинении автор впервые вводит в научный оборот термин «Великий Шелковый путь». Он подробно, ссылаясь на многочисленные источники древности и средневековья, в основном на труды древнеримских, византийских историков и географов, китайские хроники и на сочинения немецких ученых XVIII-XIX вв., рассказывает о состоянии торговых дел, при различных китайских династиях, указывая на трудности постоянно сопутствующие прокладыванию новых торговых маршрутов и описывает, с точностью географа, многочисленные направления караванных путей из Китая в Индию, Среднюю Азию, Персию, к океанскому побережью.

Со времени сенсационного открытия М. ибн Хамида прошло 30 лет. Великие державы стали посылать в Туркестан не своих агентов, а ученых.

В конце 1895 г. шведский географ Свен Гедин (создатель первой картографической регистрации пустынь Внутренней Азии) отправился к «затонувшим» городам в Такла-Макан. Вместе с ним путешествовал и сэр М.Аурел Стейн, ставший первым археологом Великого Шелкового пути.

Аурел Стейн(1862-1943) – венгр по происхождению, был английским археологом – ориенталистом и географом. Он вел многочисленные исследования на полуострове Индостан, в Афганистане, Иране, Восточном Китае, Ираке, и других странах Востока. Сообщения о находках в Такла – Макане и Таримском бассейне необычайно заинтересовали его, а после путешествия с Свеном Гедином, Стейн добивается выделения средств на организацию первой археологической экспедиции по Шелковому пути.

Весной 1900 г., дождавшись схода снегов в Кашмире, отважный молодой ученый, отправляется в путь по древней караванной дороге.

Его открытия в Хотане (на южном участке шелкового пути, исследования Турфана, раскопки в Лоулане прославили его. Но мировую известность принесло ему открытие и исследование Дуньхуана (1906-1909гг.)

Дуньхуан – город в Китае, на крайнем западе провинции Ганьсу. В 14 км от Дуньхуана расположен пещерный монастырь «Цяньфодун» («Пещеры тысячи Будд»), в котором сохранилось большое количество произведений скульптуры и настенной живописи, представляющих первостепенную ценность для истории китайского искусства, а также для выяснения культурных связей Китая с Индией и Средней Азией в IV – XI вв. Дуньхуан был перевалочным пунктом на Великом Шелковом пути.

Большинство материалов обнаруженных в Дуньхуане А.Стейн вывез в 1907 году в Англию и передал в Британский музей. После открытий М. Аурела Стейна на Великом Шелковом пути начинается самая настоящая научная лихорадка. В 1906-1908 гг. в Синьцзянь отправляется научная экспедиция во главе с выпускником Сорбонны, известным французским китаеведом Полем Пеллио (1878 – 1945). Экспедиция работала в Дуньхуане и производила раскопки к западу от города Куча.

На основе сделанных находок П.Пеллио пишет научные работы посвященные истории даосизма, буддизма и иностранных религий в Китае (несторианства, манихейства, маздакизма); китайско – индийской провинции Китая; первым морским сношениям Китая с Западом. Для его работ характерна исключительная точность и тщательность анализа. Почти все найденные в Синьцзяне рукописи П.Пеллио передает в дар Национальной библиотеке в Париже.

Не отставали от французских и английских коллег и русские ученые.

Первая специальная археологическая экспедиция в Восточный Туркестан для изучения Великого Шелкового пути была организована Академией наук в 1898 г. под руководством Д.А.Клеменца. Были исследованы и зафиксированы древности Турфана, был дан обзор его археологических памятников.

Экспедиция Д.А.Клеменца активизировала работу ученых по изучению Восточного Туркестана и послужила одной из причин организации Международной ассоциации по изучению Средней и Восточной Азии с постоянным центром в Петербурге – Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

В 1900 году Русское археологическое общество приняло решение о проведении большой экспедиции в бассейн Тарима сроком на 3 года, предполагая включить в район исследования не только

Хотан, но и Кучу, Турфан и многие места южнее Тянь - Шаня. Однако Министерство финансов отказалось ассигновать денежные средства и инициативу в проведении исследований в этом районе взяли в свои руки немецкие, английские, французские, шведские, японские и китайские ученые.

Одна за другой состоятся четыре Турфанские экспедиции немецких исследователей А.фон Ле Кока и А.Грюнвелделя.

Активно собирают материал японский граф Сесин Отани (III Японские экспедиции) и американец Г.Уорнер. В связи с этим в 1905 г. Русский комитет принимает решение командировать одного из своих членов М.М.Березовского в Кучу, в окрестностях которой, по полученным сведениям, были пещеры с буддийскими изображениями, надписями, и рукописями.

М.М.Березовский(1848-1912) – русский путешественник натуралист, математик. Участвовал в ряде экспедиций Русского географического общества. Приступил к работе в Куче в кон.1905 г. и работал там до декабря 1907 года. За это время он обнаружил более 20-ти древних городищ. В развалинах буддийских храмов фрески, терракоты, обрывки рукописей и т.п.

Особый интерес у ученых мира вызвали найденные им записи на санскрите, уйгурском, тохарском, брахми; надписи на бересте и пальмовых листьях.

В 1908 году в Царскосельском дворце открылась выставка , демонстрирующая эти находки. Правительство принимает решение о выделении специальных денежных ассигнований для организации новой экспедиции в Восточный Туркестан. Во главе с академиком С.Ф.Ольденбургом. Спутником С.Ф.Ольденбурга был С.М.Дудин(1863-1921) – художник, путешественник, этнограф, археолог, музейный работник. Собранные им в 1909-1910 и 1914-1915 гг. этнографические и археологические коллекции и альбом фотографий легли в основу его научных публикаций, главным образом о технике буддийского и исламского искусства Средней и Центральной Азии.

В ходе первой экспедиции С.Ф.Ольденбурга в Восточный Туркестан, которая проходила по маршруту Карашар – Турфан – Курля, Куча – Аксу – Уч – Турфан – Калпын – Маралбаши – Карашар, было обнаружено большое количество пещер, зданий храмов с остатками буддийских росписей, фресками, скульптурой, рукописями (в т.ч. мусульманскими), керамикой, монетами.

В 1914 году исследования русских ученых в Восточном Туркестане возобновились. Вторая экспедиция академика С.Ф.Ольденбурга работала в пещерах Дуньхуана.

Необходимо заметить, что отличительной чертой русских экспедиций под руководством С.Ф.Ольденбурга в Восточном Туркестане и Западном Китае было бережное отношение к памятникам, сведение к минимуму разрушений буддийских святынь.

После своих экспедиций академик и работавшие с ним ученые сделали вывод о том, что Восточный Туркестан и Средняя Азия – особый район, место переплетения разнообразных культур, требующее дальнейшего тщательного и бережного изучения.

Находки С.Ф.Ольденбург передал в Азиатский музей и в Отдел Востока Государственного Эрмитажа.

Изучение Великого Шелкового пути Европейскими учеными было прервано начавшейся I мировой войной.

Тема № 3: Сложение и функционирование Великого Шелкового пути в древности и средневековье.

План:

- 1. «Открытие» Шелкового пути Чжан Цзянем**
- 2. Товары Шелкового пути**
- 3. Шелковый путь в древности и средневековье**

Литература:

- 1. Богомолов Г., Мусакаева А. По стране крылатых коней и других чудес. // Звезда Востока. 1997. № 1.**
- 2. Зелинский А.Н. Памир и Великий Шелковый путь НАА. 1976 №5**
- 3. История народов Восточной и Центральной Азии. - М.: Наука.1986**
- 4. Иерусалимская А.А. Великий шелковый путь и Северный Кавказ - Л.:1972**
- 5. На среднеазиатских трассах Шелкового пути /Сб.ст. Т.,1990**
- 6. Ртвеладзе Э.В. Великий Шелковый путь. Энциклопедический справочник Т.1999**

7. Ставиский Б.Я. Великий Шелковый путь. // Международный ежегодник. – Санкт-Петербург: 1997
8. Томсон Д.Ж. История древней географии М.,1953
9. Хеннинг Р. Неведомые земли; том 1, М.,1961
10. Шефер Э. Золотые персики Самарканда.-М.:Наука. 1987.

Караванная дорога из Китая в страны Средней и Передней Азии» – такое определение давалось Великому Шелковому пути еще 10-15 лет назад. Сегодня историки установили, что это традиционно-обобщенное название большого количества караванных дорог, связывавших Китай не только со странами Азии, но и Европы, сложное историко-экономическое и культурное понятие. Республика Узбекистан со своими древними городскими культурными центрами – Бухарой, Хивой, Самаркандом является центральным краем Шелкового пути.

В этих городах встречались люди многих религий, языков и культур. Между степными кочевниками и оседлым населением городов шел постоянный обмен. В результате синтеза возникла самобытная и неповторимая культура.

Немецкие исследователи в своем многоплановом труде «Наследники Шелкового пути» считают, что открытие такого межконтинентального торгового пути имело решающие последствия для исторического и культурного развития Центральноазиатского региона. Благодаря ему произошло – пусть даже и опосредовано – приобщение Центральной Азии к великим цивилизациям Китая, Индии, Персии и региона Средиземного моря.

Само название «Шелковый путь» условно. Путь от городов – портов Леванта также можно было назвать «хлопковым путем» и т.п., т.к. шелк хотя и был самым исключительным, но не единственным предметом торговли. В древности такого названия не существовало.

Первичное открытие Великого Шелкового пути связано с именем знаменитого китайского путешественника, дипломата, офицера дворцовой стражи – Чжан Цзяня. Экспедиции Чжань Цзяня снаряжает правитель династии Хань - Ву Ди. Границы его государства постоянно подвергались нападениям сунну(хуннов). Их нашествия начались в 176-206 гг. до н.э., а Цинь Ши-Хуанди в 221 г.до н.э. строит Великую Китайскую стену для защиты от этих кочевых племен.

Ву-Ди, сын неба, узнает от пленных хуннов, что они разгромили народ юэ-чжи. Последние бежали через Такла Макан на запад и осели там. Ву-Ди решил найти в юэ-чжах союзников для борьбы против хунну. С целью заключить с юэ-чжами военный договор и отправляется в дорогу в 138 г. до н.э. Чжань Цзянь с караваном в 100 чел. Сумев избежать многочисленных ловушки хунну, на территории нынешней провинции Ганьсу он все же попадает в плен. В плену он пробыл 10 лет, но при этом сумел сохранить знак своего статуса(хвост яка), бежал и продолжил свою миссию. Наконец ему удалось добраться до юэ-чжи(кушан),которые основали новую династию правителей, создали свое государство и уже не хотели мстить хунну. Чжан Цзянь в течение года собирал сведения о юэ-чжах и о других племенах этой местности. Возвращаясь в Китай он снова попал в плен, сенова бежал и наконец спустя 13 лет прибыл к Ву-Ди и представил ему добытые сведения. Эти сведения военного, политического, географического, экономического характера собранные им о царствах в Бухаре, Фергане, Самарканде, Балхе, о Персии и Риме обеспечили ему авторитет при дворе Хань. Но более всего Ву-Ди заинтересовало сообщение о ферганских лошадях с «кровавой испариной». Для военных амбиций китайцев открытие этих лошадей имело неограниченное значение. Это были крупные, высокие сильные лошади с хорошими копытами – настоящие боевые кони, способные нести на спине закованного в латы всадника. До этого китайцам была известна лишь местная порода лошадей – маленьких и низкорослых, с плохими копытами (а подковывать лошадей тогда еще не умели), напоминавших современную лошадь Пржевальского.

С попыток Ву-Ди получить доступ к этим необыкновенным ферганским лошадям и начинается торговля на Шелковом пути.

Купить этих лошадей китайцам не удалось. Тогда Ву-Ди посылает в Ферганскую долину крупную армию осадившую Коканд. Население Коканда скрывшись вместе с лошадьми за стенами города обещало сжечь коней и город, но искусные китайские дипломаты все же уговорили кокандцев выдать несколько десятков коней с кровавой испариной в виде контрибуции и армия Ву-Ди отступила. Ву-Ди вознамерился расширять свои владения дальше на Запад. Он планировал продолжить торговые пути через Сычуань и страны Туркестана в Бактрию. После своей победы над гуннами, китайское правительство основало провинцию Циу – цуан (винный источник),

для того чтобы наладить связи со странами северо-запада. С этой целью были направлены новые посланники в Аньси, Гяочи и другие страны. Возвращаясь на родину китайские посланники привозили с собой из Средней Азии прежде всего лошадей. В качестве подарков они брали с собой туда шелк, самый удобный из товаров, поскольку жалованье и налоги выплачивались шелком и к тому же правительство не желало вывоза металлических денег за пределы страны.

Кроме шелка в западных землях большим спросом пользовалось оружие. Контроль над обоими маршрутами, т.е. «южным путем» следовавшим через «небесные горы»(Тянь – Шань) и «луковые горы»(Памир), а также «северным путем»с нач. 60гг. прочно находился в китайских руках. Был даже назначен комендант над западными землями, в обязанности которого входило зорко следить за соседями.

Связи по Великому Шелковому пути в древности достигли особенно большого развития на рубеже I–II вв. В 105-115 гг. был налажен контакт Ву-Ди с Парфией. Парфяне охотно покупали китайский шелк. От парфян о его существовании узнали и римляне. По описанию историка Флора первым шелком который увидели римляне были вышитые из золота знамена парфян, нанесших сокрушительное поражение Марку Лицинию Крассу в 53 г. до н.э.

Эта ткань, – китайская вуаль, как назвали ее римляне повергла Рим в настоящую шелковую лихорадку. Парфяне наживались на поставках шелка в Европу, не уступая место посредникам в этой весьма прибыльной торговле.

В III–VI вв. Великий Шелковый путь использовался как «дорога пилигримов»по которой буддийские монахи шли из Китая в Индию и обратно. Усиление международного значения Великому Шелковому пути связано с VII–X вв. В это время устанавливаются связи Китая с Византией и арабами. Нужно сказать что данные о торговых связях населения Средней Азии с окружающими его регионами восходит еще к III–II тыс. до н.э. О древности торговых путей свидетельствуют поселения раннежелезного века, открытые археологами. Были выявлены определенные закономерности их расположения. Это пункты у переправ через Амударью, крепости и поселения, контролирующие перевалы и проходы в горные ущелья, а также крупные укрепленные центры на путях к важнейшим

амударьинским переправам. Торговля была важнейшим фактором градообразования.

Небольшие пункты, вовлеченные в межобластную торговлю, превращались в крупные перевалочные центры. В связи с потребностями рынка в этих центрах появлялись места производства, а также хранения товаров.

Возникновению же торговых связей во многом способствовала разработка в горах Средней Азии, Бадахшана и Хотана копей полудрагоценных камней – лазурита, нефрита, бирюзы.

Почти одновременно с лазуритовым путем на Востоке складывался т.н. «нефритовый путь», связывавший области Хотана и Яркенда с районами Северного Китая. Уже к I тыс. до н.э. поступление хотанского нефрита и яшмы достигли значительных объемов – показателен тот факт, что находки изделий из нефрита и яшмы чжоуского и раннеханьского периода (X в. до н.э. – I в. н.э.) многочисленнее в несколько раз аналогичных находок более поздних периодов. Восхищение этим полудрагоценным камнем отражено во многих письменных источниках.

Действительно, нефрит необычный камень, после палировки он приобретает строгий серовато – зеленый цвет. Даже после непродолжительного соприкосновения с телом человека он как – бы впитывает человеческое тепло и приобретает теплый как – бы светящийся изнутри оттенок. Поэтому неудивительно, что нефрит наделялся магическими свойствами. В Китае, Восточном Туркестане нефрит считался лекарством для больных глаз – через нефритовые пластины нужно было смотреть на солнце. В древнем Китае из нефрита изготавливались государственные и культовые регалии. Изделия из нефрита играли важную роль в религиозных церемониях и быте. Как считает ряд исследователей в качестве посредников в торговле нефритом выступали кочевники – юечки, которые господствовали в степном районе от Дуньхуана на западе до Ганьчжоу на востоке. Именно с ними и с именем Чжан Цзяня, знаменитого китайского путешественника, дипломата, офицера дворцовой стражи связывают открытие Великого Шелкового пути в 138 г. до н.э.

По данным исследователей вдоль трасс торговых путей возникали торговые фактории уже в IV–III вв. до н.э. Согдийцы, основывая такие фактории селились там семьями. Там проживали они долгое время. Это район Восточного Туркестана, Семиречья,

Монголии. В колониях проводились крупные торговые операции, расцвет их, приходится на VI-IX вв. Колонии обладали самостоятельной властью, имели свои военные отряды, были хорошо укреплены.

Не случайно в этой связи появление на монетах Восточного Туркестана бухарского двугорбого верблюда, коней. Оно, возможно было внесено согдийцами, поселившимися здесь. Этот факт подтверждает тесные торговые связи бухарского Согда с Востока. Очевидно, существование «ветки» которая проходила через Бухарский Согд. Эта трасса имела важное значение с глубокой древности. Здесь уже в раннее время (IV-III вв. до н.э.) выделяется собственный западно-согдийский чекан, основанный на серебре. Это свидетельствует о том, что ориентирован он был на нужды международной торговли.

В этой связи любопытны сведения античных авторов о судоходности двух важнейших водных артерий в Средней Азии: Амударья(Окс) и Сырдарья(Яксарт). Бухарский Согд являл собой перекресток путей из Бухары на север Хорезма, к сарматам, Причерноморье; и в другом направлении на запад, в Маргиану, Парфию, - на юг в Южный (Кашкадарьинский), Согд, в Бактрию.

Исследователи считают вполне вероятным существование водного пути по Оксу в Каспий, этот путь существовал с эпохи *античности* вплоть до XIV в. н.э. Этот северный путь по *Оксу* шел в обход парфянских владений, из Бактрии вверх по Оксу, через Бухарский Согд можно было попасть в Древний Хорезм на Кавказ, страны Северного Причерноморья.

Источники периода раннего средневековья: Истахри, ибн Хаукаль (X в.) свидетельствуют о существовании торгового пути, идущего из Бухары через Варахшу, далее, согласно им, путь проходил по пустыне, преодолеть которую можно было за 8 дней. Любопытно, что город Фираб, упоминаемый в источниках – переправа через *Окс* из Бухарского Согда в район Амуля (Чарджуу) указывает, на наш взгляд, на еще одно направление пути – напрямую к Нисе. Именно там при раскопках этого красивейшего города Парфянского царства были найдены ранние группы подражаний тетрадрахмам Евтидема, чеканившихся в Бухарском Согде. Монеты, без которых уже трудно было обойтись при совершении торговых сделок, точно указывают направление, пункты торговых путей.

Появление в Бухарском Согде серии монет Гиркода также связано с функционированием этого отрезка пути в период античности. Явно проступают парфянские параллели в иконографии этой группы монет. На южное направление торгового пути указывают находки монет Гиркода более поздних по времени групп.

Направление торговых связей, ответвлений от основных трасс менялось в зависимости от политической ситуации. Так, после образования империи Александра Македонского интенсивность торговли усилилась. При Селевкидах (наследниках империи Александра) повышается интерес эллинистических правителей к странам за Оксом. По приказу Селевка его военачальник Демодам между 293 – 280 гг. до н.э. ходил походом на Яксарт.

Там по его приказу был сооружен алтарь в честь Аполлона, и основан город Антиохия Заяксартская. По предположению исследователей, такой алтарь располагался вблизи городища Канка (Аккурганского района Ташкентской области). Возможно, сам город и является древней Антиохией.

Закономерен вопрос – почему же этот город не назвали Селевкией Заяксартской. Объясняется это тем, что за несколько лет до своей гибели в 280 г. до н.э. Селевк передал управление "верхними сатрапиями" своему сыну и наследнику Антиоху I. Это был тактический прием для сближения с восточной знатью, поскольку Антиох являлся сыном согдианки Апамы-дочери знаменитого Спитамена. Он являлся живым олицетворением союза эллинов и местной азиатской аристократии.

Не случайно, что две из древнейших серии монет Согда "являются подражательными чеканами по типу драхм Антиоха.

Экспедиция Демодама носила разведывательный характер, были выявлены данные о судоходности рек, отмечены переправы, а также и при сооружении алтарей, самим фактом основания которых демонстрировалась зависимость стран Трансоксианы от Селевкидов.

Сырдарья также являлась оживленной водной магистралью. По Яксарту вверх можно было попасть через Чач к Оксийскому (Аральскому) морю, а из него в Гирканское (Каспийское) море, далее по Волге к Танаису. Свидетельством функционирования водных путей является появление в Хорезме изделий из египетского фаянса, поступавших сюда из городов Северного Причерноморья. Так, по данным средневековых авторов, из Кята (Хорезмский оазис) в Бухару

можно было добраться за 14-15 дней. Античные авторы сообщают о доставке индийских товаров по Оксу на запад.

Вторая экспедиция селевкидского времени связана с именем Патрокла. Аристобул и Стратосфен, приводя слова Патрокла, творят, что Окс – крупнейшая река в Азии. Она судоходна, по ней перевозится много товаров в Гирканское море. Страбон же сообщает, что по протоку Окса, впадавшему в Гирканское море, также ходили торговые суда и велась интенсивная торговля. Направление этих путей прямо указывает на Бухарский Согд. По Оксу насчитывалось более 25 переправ. Возможно наиболее известные из них сложились в период античности.

После того, как перестал функционировать проток, соединявший Зеравшан с Амударьей, переправа и путь сместились чуть южнее. Даже если проток этот не был судоходным, путь проходил вдоль него. Смещение торгового пути на этом отрезке могло быть связано с тем, что земли эти стали контролировать уже парфяне. Средства от торговли шли не к Селевкидам, а в Парфянское царство. На противоположной стороне Окса существовало княжество Амунд, известное в источниках.

Другое направление торговых путей в Индию можно проследить по ареалу находок монет Гиркода, встречавшихся в Бухарском Согде, России, на Кавказе, Кабуле, Индии. Путь шел из Средиземноморья через Бухарский Согд – в Бактрию или Маргиану (Туркмения), Дрангиану (Иран) и Арахосию (Афганистан). На торговлю с Индией рассчитан был и весовой стандарт древнебухарских монет. Это мнение оспаривается некоторыми исследователями. Однако эта ориентация на торговый рынок с Индией подтверждается данными политической истории. Когда могущество Селевкидов было разрушено, произошел переход от эллинистической системы к новой, основанной на индийском весовом стандарте.

Интенсивная торговля стимулировала развитие городов и поселений. Так, вероятно, появление в IV-II вв. до н.э. городов Бухарского Согда: Пайкенд, Варахша, Рамиш и др. Самый знаменитый из них – Пайкенд – известен в источниках как "город купцов", специализировавшийся в раннем средневековье на торговле *шелком*. Путь через Согдиану был особенно интенсивным в период господства Парфии, а впоследствии Сасанидского Ирана, стремившихся контролировать торговлю, средства от нее на территории своих владений, и не пропускать неугодные им караваны.

Так появляются новые ветки трасс в обход парфянских и сасанидских барьеров.

Большинство купцов не стремились пройти весь маршрут. Они предпочитали обмениваться товарами где-нибудь на полпути, оседая по дороге в крупных торговых центрах, чаще всего в Средней Азии. В Чаче, Самарканде, Бухаре китайские купцы продавали свой товар местным или приезжим торговцам, а сами приобретали нужные им предметы и с попутным караваном возвращались домой.

Дальше Средней Азии китайские купцы обычно не проникали. Посредниками в их торговле выступали среднеазиатские купцы. Причем последние не довольствовались этой ролью, а нередко торговали напрямую с Китаем, образуя в основных пунктах трассы Великого шелкового пути свои поселения-колонии.

Из Мерва, который арабские географы называли "матерью городов" Востока, где соединялись южная и северная дороги, шла центральная магистраль – первоначально к Ктезифону-Вавилону, позднее – к Багдаду, оттуда к портам Сирии. Там товары перегружались на корабли и уже морем поставлялись в Египет, Византию, Италию и другие страны Средиземноморья. Китайский шелк, индийские и индонезийские пряности, ювелирные поделки, алмазы, слоновая кость, хлопчатобумажные ткани, доставлявшиеся через Парфию в Двуречье (I в. до н.э. - II в. н.э.) перепродавались в Зевгме на восточном берегу Евфрата.

В течение I в. н.э. в Зевгме происходили ежегодные встречи торговцев, сходные с *ярмарками* последующих эпох. Парфяне стремились сохранять монополию торговли на этом отрезке пути, не пропуская через свои земли средиземноморских купцов.

Одна из веток Великого Шелкового пути шла прямо из Кашгара через земли современного Афганистана в Индию. Это был очень тяжелый путь, названный "висячими перевалами" – видимо, имелись и виду овринги – узкие карнизы из дерева и хвороста, нависшие над бездонными пропастями в горах Памира.

По северному ответвлению Шелкового пути китайские, среднеазиатские и индийские товары и, в первую очередь, шелк достигали Кавказа и городов Древней Руси: Киева, Новгорода. Позднее в Москве на торге существовал даже особый "индийский" ряд, где торговали индийские купцы. В современной Индии до сих пор существует особая часть Дели, где лавки обслуживают продавцы, говорящие по-русски. А название одной из самых популярных

московских улиц – Арбата – тоже восходит к слову Рабат – торговое поселение, – видимо, место, где жили среднеазиатские (восточные) купцы.

Важное место в военно-политической борьбе кочевых государств занимал контроль за северными трассами Великого Шелкового пути, по которому в южные страны вывозилась пушнина. Контроль над торговыми путями обеспечивал правителям кочевых тюркских государств постоянный источник дохода.

Археологический материал свидетельствует о связях Согда и Сибири, например, Пайкенда с тюркским поселением на реке Унге, что подтверждено проведенным исследователями химическим анализом стеклянных изделий. Кроме того, отмечается "соболья дорога" через Семиречье, Южную Сибирь и Северную Монголию к Амуру. В Минусинской котловине археологами обнаружены согдийские зеркала, предполагают, что здесь была согдийская колония. В районе современной Илани находился древний город Угочен (город пяти владений). Предполагают, что "уго"- это согдийцы. В названии города видят аналогии с древним Пянджикентом в Согде.

Другим любопытным фактом являются данные китайских хроник о "западном золоте" – латуни, на которую был широкий спрос в Китае. В Кушанское время Средняя Азия становится одним из крупнейших центров по производству латуни, в танское время в Китае секрет ее производства не был известен, и поэтому в VII-XII вв. изделия из латуни широко импортировались в Китай. Причем производство стеклянных и латунных изделий, как установлено исследователями, в Приморье и Приамурье в средние века осуществлялось по среднеазиатской технологии.

Говоря о роли торговли, нельзя не упомянуть о деньгах, их видах в международном обмене. До появления монет деньгами служили самые разнообразные предметы. После применения в торговых сделках монетных кружков меновая торговля частично сохранялась. Роль денег на определенных отрезках торговых путей могли выполнять разные виды товаров: скот – кони, верблюды; шелк, пряности, слитки металлов, драгоценные минералы.

Наиболее популярной расчетной единицей в раннем средневековье стал шелк. Именно он становится главной меновой единицей, вытесняя из обращения даже золото. В самом Китае, основном поставщике шелка на мировой рынок, шелк тоже часто

выполнял функцию денег. Им оплачивали лекарства, литературные произведения, продовольственные и другие товары.

Шелком рассчитывались за трудовые повинности. Шелком можно было откупиться за уголовные преступления. Например, за 20 кусков шелка можно было избежать казни. В Согде шелк также стал наиболее ценным эквивалентным товаром. По данным О.И.Смирновой, один кусок шелка стоил 20-25 драхм, в то время как пара волов – 12 драхм, корова на убой – 11 драхм, простой панцирь – 12 драхм, шлем – 2 драхмы. Судя по ценам Самаркандского договора 712 г. с арабами, средняя цена куска шелка составила 28 драхм. Отрезками шелка расплачивались с воинами наемниками. В документах мугского архива указывается, что цена 1 коня приравнялась к стоимости 10 отрезков шелка.

Любопытно, что именно по такой цене уйгуры поставляли коней в Китай во второй половине VII в. В 607 г. они поставили 3000 коней и получили за это 13 тыс. кусков шелка, т.е. один конь стоил – 4,5 отреза. А в 763-779 гг. поставки возросли до 10 тыс. коней ежегодно в обмен на 1 миллион кусков шелка, т.е. стоимость коня возросла во второй половине VII в. более чем в 2 раза и составила 10 кусков шелка за коня. Основным объектом обмена с кочевой степью являлся конь, затем шли овцы, крупный рогатый скот, кожи, рыбий клей, изделия из хотанской яшмы и оленина (вяленое мясо оленей и сайгаков).

Иностранное влияние пронизывало все стороны тогдашнего китайского общества. Тысячи семей «бородатых и голубоглазых» пришельцев с Запада прочно осели в китайских городах". Китай повернулся лицом к Западу. В Китай ввозили как предметы роскоши, так и множество обыденных для согдийцев вещей.

Так, экзотическими в Китае считались самаркандские персики, которые назывались золотыми персиками Афрасиаба (городище древнего Самарканда). Экспортировались не только фрукты, но и саженцы, они были привезены в Китай посольским караваном. "Эти персики для Китая олицетворяли все экзотическое и желанное, все неизвестное и влекущее к себе". Таковой страной загадок была для Китая Согдиана. С конца 20-х гг. VII в. посольства из Средней Азии прибывали к танскому двору практически каждый год. Жителей Согда именовали "Кан". Это родовое имя встречается в надписях на бухарских монетах с верблюдом, а также на бухархудатских драмах

VIII в. Из страны "Кан" в Китай привозили экзотических миниатюрных лошадок, дрессированных зверей, карликов.

С середины VIII в. получила большое распространение торговля чаем. Эта новая мода пить чай захватила не только китайцев, но и уйгуров.

VIII в. век был столетием необычной популярности в китайских городах арфистов и танцоров из Средней Азии. В Китае заучивали среднеазиатские мелодии, пели песни. Большой популярностью пользовались самаркандские и чачские танцовщицы. Самаркандский танец состоял в том, что нарядно одетая танцовщица, держа в руках платок, стремительно кружилась на мяче. А ташкентский — исполнялся девочками-подростками, а также взрослыми танцовщицами, выделявавшими замысловатые коленца.

Большой популярностью пользовались в Китае художники Западного края: согдиец Кан Сато, изображавший полуфантастические пейзажи, божества, растения, зверей. Фигуры на них "словно сходили со стен", Женщины перенимали западную моду, музыканты изучали согдийские ноты и упражнялись в чачской музыке.

Из Западного края в Китай поступали драгоценные камни, промышленные минералы. Даже такое, казалось бы, заурядное кушанье как пирожки, также было привнесено в Китай с Запада. Особенно популярными были пирожки, вареные на пару и начиненные зернами кунжута, а также жареные в масле. Эти пирожки продавали выходцы с Запада.

Из Туркестана и Индии в Китае давали выступления чародеи, акробаты, пожиратели огня, карлики. В храмах зороастрийцев в Лянчжоу и Лояне давали представления факиры с демонстрацией самоистязания. Особый интерес был в Китае к лошадям, с ними китайцы связывали государственное благосостояние, мощь, силу государства. Интересно, что китайцы считали, что род небесных коней начинался в стране Юечжи, в пещерах. Коней "потеющих кровью", которые связаны были с нисийскими конями, китайцы же особенно почитали и желали. Считалось, что обитают они на Яксарте и в Фергане. Во II в. до н.э. в Китае уже были западные кони, которые были выше монгольских низкорослых лошадок. К югу от Аральского моря и Сырдарьи, считалось, обитает лучшая порода лошадей. Лошади поступали их Самарканда, Бухары, Ферганы, Тохаристана (Юг Узбекистана), Чача, Кеша (Кашкадарьинская область), Кабадиана

(район Иштыхана), Маймурга (юго-восточнее Самарканда), Хутталаяна (Таджикистан).

Удивляли китайцев и овцы из Западного края. Курдючную породу овец (неизвестную в Китае) там называли – овцы с тяжелым хвостом, весящие 10 цзиней. Они были распространены в Бухаре, Самарканде, казахских степях.

Из Бухары и Самарканда отправляли леопардов. В большом количестве в Китай вывозились лошадиные шкуры, которые использовались для изготовления военных доспехов. Экспортировались и хвосты, употреблявшиеся в качестве украшения-эмблемы, они являлись знаками отличия. Хвосты белых лошадей с северо-запада и лисьи хвосты с запада, считалось, обладали священной силой. Хвосты леопардов обладали силой оберега. Хвост леопарда был военной эмблемой, позже был заменен символом-знаменем желтого цвета с точками.

В IX в. из Хорезма в Китай поступали арбузы, с этой культурой китайцы не были знакомы и называли ее "западная дыня"", перевозили в свинцовых ящиках со снегом. Фисташки из Согдианы, Хорасана, Персии также ввозили в Танский Китай, их называли "орехи западных чужеземцев", считалось, что фисташки повышают жизненный тонус в целом. Ввозили также и грецкий орех.

Одна из полезнейших культур – острая приправа фагора использовавшаяся очень широко, также была неизвестна в Китае и ввозилась из Западного края (Средней Азии, Индии). Фагору использовали в пище, в медицине. Она способствовала росту волос, ее использовали рудокопы при поисках ртути. Эту приправу добавляли к жертвенному мясу и вину, добавляли к нектару, возливавшемуся на алтарь богов. Это, вероятно, красный перец, который и у среднеазиатских народов ценится при приготовлении пищи, а также часто используется в оформлении украшений, вышивок как священный мотив, связанный со свойствами отгонять злых духов. Согдийцы в Китае слыли большими любителями выпить, именно от них китайцы научились искусству виноделия. Самый лучший, самый белый сахар изготавливали в VIII в. в Бухаре и Хорезме и доставляли его в Китай. В Китай из Тохаристана, Чача, Кеша, Маймурга поступали лекарства, приготовленные из различных благовоний. Процветала морская торговля Индии с Китаем, традиционными товарами являлись: слоновая кость, драгоценные камни, панцири черепах, пряности, алоэ, кардамон, гвоздика.

Известны факты обращения согдийцев к Китаю за помощью против арабских захватчиков. Так, бухарская царица Хатун в 726 г. отправила миссию с подношениями: шафраном, "каменным медом" (сахар), "римским вышитым ковром".

В VIII в. от тюргешей, Кеша, Чача в Китай поступали шерстяные ковры, коврики для танцев. Из Самарканда доставляли окрашенную ткань – смесь шелка с шерстью. Благодаря торговле в Китай в III в. попадает хлопок. Хлопчатобумажные ткани также поступали в Китай из Западного края, который ими славился. Из Самарканда в VIII в. доставляли горный хрусталь, сердолик. Сердолик поступал также из Тохаристана. Особой популярностью в Китае пользовались изделия из ляпис-лазури (лазурит), добыча этого минерала с глубокой древности известна в Бадахшане. Цветное стекло поступало в Китай из Тохаристана, утварь из тонкого, прозрачного стекла считалась экзотическим сокровищем. В большом количестве ввозили золото, серебро из Согдианы, Чача, Кеша, Маймурга. Известны случаи обмена кусков металла из серебра на китайскую медную монету. Ценилось в Китае и западное вооружение. Впервые кольчуга была прислана в 718 г. из Самарканда. Развитие торговли, ее интенсификация в период функционирования торговых путей, связывавших страны Средиземноморья с Китаем значительно повлияли на культурно-исторические взаимосвязи регионов, затронутых товарообменом, денежными отношениями. Вместе с торговыми караванами шли и религиозные проповедники: буддисты, зороастрийцы, манихеи, христиане. В период с I в. до н.э. – IX в. н.э. в Центральной Азии процветали наряду с местными культурами и новые, привнесенные согдийцами, персами, византийцами. В Китае известны крупные зороастрийские храмы. В Турфанском оазисе открыты прекрасные памятники манихейской живописи. В Кушанской империи на окраинах Александрии Тарматы (городище Старый Термез), за стенами города располагался крупнейший в Средней Азии храмово-монастырский комплекс Фаяз-тапа (I в. до н.э. – I в. н.э.). В нем открыты настенная живопись, скульптура, найдены фрагменты керамики (остраконы) с надписями на кхарошти, бактрийской письменности. Рядом располагался второй крупный объект буддийской религии Кара-тепе. В Китай буддизм проникает из Средней Азии, в которой он появляется благодаря индийским связям в период действия Великого Шелкового пути.

В Бухарском Согде известны уникальные монеты, найденные в окрестностях городища Варахша (к северо-западу от г. Бухары) с изображением священных животных и несторианских крестов. Христианство здесь на основании этих ранних уникальных находок появляется уже в первых веках нашей эры (III-IV вв.)

Излюбленным мотивом в оформлении монет являлся конь. Любопытно, что на эллинистических монетах изображена не местная порода (европейский тяжеловоз), а азиатский конь с длинными ногами и высокой шеей. Азиатские породы коней использовались в странах эллинистической культуры, их использовали в цирковых представлениях в V-IV вв. до н.э. и позже в военных действиях.

В Китае и на всем Востоке очень ценили коней: "Лошади - это военная готовность государства. Если небо отнимает эту готовность, государство начнет клониться к упадку".

Под влиянием эллинистических государств: империи Александра, государства Селевкидов в Согде, Бактрии, Хорезме появляются собственные монеты по тину эллинистических. Этот факт свидетельствует о большом экономическом толчке в развитии этих государств, свою определенную роль сыграли здесь торговые трассы, их географическое расположение.

В свою очередь, и эллинистический чекан претерпевает изменения – в связи со вкусами восточных народов на них появляется рогатый конь.

Большое культурно-историческое влияние, о котором в последнее время все больше говорят, претерпел Чач со стороны Бухарского Согда. Здесь под влиянием Западного (Бухарского) Согда в I в. до н.э. – I в. н.э. появляются монеты по типу согдийских. Это период наибольшей интенсивности Великого Шелкового пути, развитие торговли шло не только вширь, но и вглубь, внутри самих этих государств, розничная, внутренняя торговля являлась на данном этапе громадным стимулом в развитии экономики означенного региона.

Для Китая торговля с Согдом, Чачем, Бактрией, как отмечают исследователи, была своеобразным "окном в Европу". Множество фруктов, овощей, иных культур, кушаний были привнесены из Западного края, не говоря о военных доспехах, музыке, музыкальных инструментах, знаменитых нисийских конях, ферганских конях, полезных ископаемых, секретах производства сплавов, стекла и др. Не только многие виды культивируемых растений, домашнего

скота: лошади, верблюды, овцы, пришли на Восток из среднеазиатских владений, но и такая важная культура, как хлопок и люцерна.

Под влиянием развития этих связей и политической конъюнктуры в среднеазиатских владениях в VII-VIII вв. появляются монеты нового вида по типу китайских с квадратным отверстием в центре. В начале монеты выглядели как точная копия китайских, а чуть позднее китайские иероглифы заменяются согдийским курсивным письмом, тамгами и широко используются во внутренней торговле – по всему Согду и в Чаче. Чекан их был интенсивным, это массовый материал при раскопках поселений, городских центров в VII-VIII вв.

Вместе с иными культурно-историческими взаимоотношениями необходимо отметить распространение такого важного признака цивилизации как письменность. Так согдийская письменность вместе с согдийскими колонистами распространилась в Восточном Туркестане, став национальной письменностью уйгуров, и сохранилась там на более долгое время, чем в Согде, вплоть до XVII в.

Китайские источники отмечают большой толчок в развитии Китая в период раннего средневековья. Они свидетельствуют о стабильной политической ситуации, о стабильности цен, процветании общества. Доказательством, сопутствующим явлениям стабильности в экономике является большая веротерпимость в государстве, как отмечено, здесь проживали и имели свои храмы представители многих нетрадиционных, некитайских религий. И наоборот, после ухудшения политической обстановки в Китае, после падения империи Тан (после IX в.) ситуация резко меняется. Манихейские храмы подвергаются уничтожению, гонениям подвергаются буддисты и зороастрийцы. Сокращаются на некоторое время и торговые связи, в Китае начинается период упадка.

В Мавераннахре положение несколько иное, здесь политическая ситуация после захвата среднеазиатских территорий Арабским Халифатом более благоприятна, чем и Китае. Появляется первое в истории Средней Азии централизованное государство Саманидов, торговля продолжает развиваться, монетный чекан более унифицирован, ориентирован на нужды внутренней торговли.

Не перестал функционировать Великий Шелковый путь и после завоевания Китая и Средней Азии татара-монголами.

Кочевая и полукочевая верхушка была заинтересована в получении тех благ, каковые способен был принести Великий Шелковый путь.

Монголы вкладывали в сухопутную торговлю огромные средства, иностранные купцы пользовались особыми привилегиями и покровительством, о чем свидетельствуют путешествия посольства папы Иннокентия IV во главе с Иоанном де Плано Карпини к Монгольскому хану Гуюку, послов короля Франции Людовика IX под руководством Вильгельма Рубрука, венецианских купцов Николо и Марко Поло. (XIII – XIV вв.)

В это время велось гигантское дорожное строительство, у рек организовывались переправы, над ущельями наводились мосты, в скалах пробивались проходы, через каждые 30-40 км от Астрахани до Пекина были построены станции с запасами продовольствия, фуража и вооруженными отрядами.

Однако, при татаро-монголах торговля по Великому Шелковому пути все более смещалась в северном направлении. Активно функционировал т.н. «степной» путь, проходивший через Казахстан.

Крупномасштабную попытку восстановить значение Средней Азии в международной торговле по Великому Шелковому пути предпринял Амир Темура.

Он вел военные кампании с целью приблизить или переместить торговые пути, рассылал послов с призывами расширять торговлю, вел активное строительство, переселял ремесленников, обезопасил торговые пути от нападения кочевников.

После смерти Амира Темура в результате политической нестабильности, а также постепенного экономического упадка, регионы Центральной Азии не могли уже играть роль посредников на Великом Шелковом пути.

В 1424 г. китайский император Юн Ле (династия Мин) приказал закрыть северо-западные границы государства.

А Великие географические открытия (XV–XVI вв.) окончательно переместили международную торговлю на моря и океаны.

**Тема №4 : Роль Великого Шелкового пути в распространении
духовной и культурной информации.**

План:

- 1. Распространение Христианства на Великом Шелковом пути.**
- 2. Манихейство и иудаизм на трассах Великого Шелкового пути.**
- 3. Значение Великого Шелкового пути в распространении буддизма.**
- 4. Установление дипломатических связей на Великом Шелковом пути.**

Литература:

- 1. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч., т.2., ч.2. М.,1964**
- 2. Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии(древность и средневековье)**
- 3. Восточный Туркестан и Средняя Азия. М.:1984**
- 4. Штейн В.М. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. М.:Наука.1986**
- 5. Ртвеладзе Э.В. Великий Шелковый путь. Энциклопедический справочник. Т.:1999**
- 6. История народов Восточной и Центральной Азии. М.: Наука. 1986**
- 7. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия. Проблемы культуры. М.: Наука. 1977**
- 8. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М.,1991**

Громадный вклад в установление культурных контактов между Западом и Востоком внесли представители различных направлений христианской церкви. С первых веков нашей эры, в силу миссионерской деятельности, гонений, разногласий между сторонниками того или иного направления, христиане переселились в Среднюю Азию в основном из Персии и Сирии, а затем по трассам Великого шелкового пути в Восточный Туркестан и Китай.

Среди них были православные мелькиты, яковиты – представители одного из направлений западной сирийской церкви, название которых происходит от имени ее основателя Якова

Цанцалы, но в основном несториане – последователи *Нестория*. Пребывание их и роль в христианизации названных стран связана с определенными политическими и особенно религиозными причинами.

В IV – первой половине V вв. православная церковь в Византии и поддерживающее ее правительство по мере укрепления своих позиций усиливают борьбу с еретиками, к числу которых относились и несториане.

Разногласия в православной церкви по поводу толкования священного писания, церковных обрядов, сущности Христа привели в конечном итоге к ее расколу и созданию отдельных многочисленных сект и различных направлений.

Несторианство окончательно оформилось в первой половине V в.н.э., после развернувшихся в ту пору среди христиан ожесточенных споров по поводу единства или двойственности божественной и человеческой сущности Христа. Несторианство в лице его духовного наставника Нестория было осуждено как ересь на Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. н.э. Несториане разграничивали две природы Христа, признавая лишь чисто внешнее соединение между ними, отрицали они и Деву Марию как мать божью. Это направление – диофизитство нашло своих сторонников в основном в восточной сирийской церкви, тогда как апологеты другого направления – монофизитства признавали единую божественную сущность Христа, а человеческая природа его была лишь его принадлежностью, не имевшей самостоятельного значения. Среди сторонников монофизитства были армянская, египетская и западная сирийская церкви. В борьбе между монофизитами и диофизитами верх одержали первые, и большинство диофизитов бежали в Иран. К этому времени и то и другое направление отделились от православной церкви. В Иране большинство православных приняло несторианское учение. Несториане играли в Иране важную роль, занимая государственные должности, занимались торговлей, среди них были искусные врачи, ученые, ремесленники.

Еще до массового притока несториан в Персию здесь существовали большие христианские общины, зафиксированные во II в.н.э. Особенно усилились позиции христиан в Сасанидском государстве при шахе Йездегерде I (399-420 гг.), когда христианская церковь в Персии провозгласила себя независимой от Византии. После переселения в Персию несториан, при шахе Перозе (459-484

11.), несторианская церковь получила большую поддержку и была признана здесь официальной, тогда как позиции православных мелькитов значительно ослабли, что объясняется в первую очередь политическими причинами. Сасанидский Иран почти всегда находился в состоянии войны с Византией, а несториане, изгнанные оттуда, по понятным причинам не испытывали к ней симпатий. Тем не менее несториане, так же как и представители иных христианских направлений, время от времени подвергались в Персии гонениям, в чем определенную роль играло зороастрийское жречество, боявшееся утратить свои позиции.

Это стало одной из причин, но разумеется, нельзя не учитывать свойственную этой религии миссионерскую деятельность, массового оттока христиан-несториан из Персии в Среднюю Азию и далее на Восток в конце V-VI вв. н.э.

Однако христианство проникло в Среднюю Азию задолго до прибытия сюда несториан. В христианской традиции распространение христианства на Востоке, в Индии и сопредельных странах, в частности, в Бактрии, связано с именем апостола Фомы, которому Индия досталась по жребию при разделе мира между апостолами. Фома, однако, не хотел идти в эту страну, тогда явившийся Господь продал его за двадцать серебряников купцу Наббану (или "аббану), посланному в южную страну "царем Индии" Гундафаром, чтобы доставить ему искусного плотника. Прибыв в Индию ко двору царя Гундафара, апостол Фома, начал проповедовать христианское вероучение, обратив в эту веру царя, его брата по имени Гад и много других жителей городов и деревень. Затем он пришел в город, где правил царь Маздай, обратив там в христианскую веру его жену Тертию и другую знатную даму. Своими действиями он вызывал подозрения и был убит четырьмя воинами, после чего апостол Фома, якобы, был погребен в царской усыпальнице, откуда тело его тайком было вывезено на Запад.

Этой легенде о деяниях Фомы можно, конечно, не верить, но упоминание в ней реального исторического лица "царя Индии" Гундафара известно из других источников. Согласно христианской традиции, апостол Фома посетил Гундафара в 29 г.н.э., на этом основании время его правления относят ко второй четверти I в.н.э. Династия индо-парфянских правителей просуществовала недолго и, по-видимому, во второй половине I в.н.э. была упразднена кушанами. Вместе с тем, имеются более достоверные источники, помимо деяний

апостола Фомы, свидетельствующие о раннем распространении христианства в Средней Азии и в сопредельных странах. Согласно сирийской "Книге законов стран", которую, по одной версии, приписывают некоему Вардесану (154-222 г.г.) из Эдессы, а по другой, она, якобы, составлена его учениками в середине 3 в., в Бактрии, Персии и Мидии в это время уже было распространено Евангелие. Там же упоминается о наличии христиан в Кушане, т.е. на территории *Кушанского государства*. О наличии христиан в *Бактрии* и стране кушан вплоть до Инда в правлении Шапура II (309-379 г.г.) свидетельствует армянский историк Егише. Согласно исследованию О.Хансена, еще один этап переселения христиан в эту область приходится на правление сасанидского шаха Йездегерда II (438-457 гг.). Выдающаяся роль в христианизации Средней Азии, согласно христианской традиции, принадлежит *Баршаббе*.

В работе Беруни "Памятники минувших времен" говорится о том, что литургический календарь христиан-мелькитов в Хорезме включал 21 июня – день поминовения священника Баршаббы, который принес христианство в Мерв, спустя 200 лет после рождения Христа. В 334 г. в синодальных документах упоминается, что в работе Синода принимал участие епископ из Мерва. Этот факт свидетельствует уже о существовании здесь достаточно большого христианского прихода, коль скоро во главе его стоял епископ – значительная по церковному табелю о рангах фигура, а также то, что христианские идеалы и их носители проникли в Мерв задолго до 334 года. Таким образом, уже в первых веках нашей эры христианство в Средней Азии, особенно в Мерве и Бактрии, было достаточно широко распространено. Но очевидно также и то, что укрепление здесь его позиций происходит с массовым притоком несториан. Если до этого распространение христианства в этой области имело скорее стихийный характер, то с приходом несториан этот процесс стал целенаправленным.

В VI-VII в.в. христианство несторианского типа на западе Средней Азии настолько усилилось, а христианские общины выросли, что в ряде городов потребовалось учреждение митрополий. Согласно сирийским хроникам, при патриархе Иешубе II (628-643 г.г.) были учреждены митрополии в Самарканде, Герате, а также в Индии и Китае. Согласно *В.В.Бартольд*у и *Э.Захау*, митрополия в Герате была основана во второй половине 6 в., а в Самарканде, якобы, еще при патриаршестве Ахая (410-416 гг.). Вероятно, в 6 в. митрополия была

учреждена и в Мерве, в VII в. в Кашгаре и Навакете. Известно, что в 644 г. мервский митрополит Илия обратил в христианство тюрок, обитавших за рекой Оксус (Амударья). Но некоторые тюркские племена, вероятно, еще ранее стали исповедовать христианство. По данным Феофилакта Симокаты, когда в 591 г. был разгромлен мятежный сасанидский полководец Бахрам Чубин, то у многих из посягнувших с ним его союзников тюрок, был на лбу знак креста. По их словам, такой знак наносили у них новорожденным по совету христиан для отвращения всяких напастей.

Вероятно, христианами была и какая-то часть эфталитов могущественного племени, создавшего во второй половине V – первой половине VI вв. н.э. одно из самых значительных государств в Средней Азии. По данным Егише, при заключении союзного договора, с армянами, хоны-эфталиты "приняли на себя клятву христиан – с твердостью хранить с ними единство".

Кроме христиан-несториан, в Средней Азии проживало, вероятно, немало православных. По мнению *СИ.Толстого*, основанного на изучении документа VIII в., в состав Хазарской митрополии входила также особая Хвалисская, т.е. Хорезмская христианская епископская кафедра.

Согласно Беруни, местопребыванием митрополита Хорасана был город Мерв, а это означает существование весьма большой христианской общины православных мелькитов, ибо до высшего духовного сана – митрополита священнослужители этого направления проходили через стадии певчего, чтеца, иподиакона, диакона, священника, епископа.

Беруни пишет, что четвертого дня месяца Айяр происходит праздник роз, который также справлялся и в Хорезме. "В этот день приносят в церковь джуржийские розы, и причина в том, что Мария одарила в этот день первыми розами Елизавету, мать Иоанна".

Широкое распространение христианства в домусульманской Средней Азии подтверждается материальными свидетельствами. Среди них церкви-монастыри, предметы христианского культа, погребальные памятники, монеты с христианскими символами.

Особое место в этом перечне занимают церкви-монастыри. Число их на территории Средней Азии незначительно, но, по данным письменных источников, они существовали в Мерве, Самарканде, Хорезме, Таразе, Мерке, в Семиречье и других местах, где были христианские общины.

Многие из них после прихода арабов были разрушены, на месте других возводились мусульманские мечети. Наршахи писал, " что, если войдешь во внутренний город (Бухары), то сейчас налево будет улица, которая называется "Риндан" (улица развратников). За ней была христианская церковь: теперь там мечеть, которая называется (мечетью) племени Бану-Ханзала". Наршахи также сообщает, что, когда Исмаил Ахмад в 893 г. взял Тараз и обратил многих его жителей в ислам, то христианская церковь этого города была превращена в соборную мечеть.

В 1938 г. М.Е. Массон обследовал развалины монастыря в районе Ургута в Самаркандской области. В 50-е годы *отрядом Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции* (ЮТАКЭ) в 15 км к северу от Старого Мерва были исследованы остатки сооружения, известного у местных жителей под названием "ароба-Кошук. Г.А.Пугаченкова определила его как христианский храм и датировала V-VI вв. н.э. Последующие исследования подтвердили это предположение.

Небольшой монастырь, принадлежащий, вероятно, православным христианам-мелькитам, исследован ЮТАКЭ в северо-восточном углу городища Гяуркала в Старом Мерве. Христианская церковь, датируемая VII-VIII вв. н.э., обнаружена на городище Ак-Бешим в Киргизии.

К христианским культовым сооружениям относят вскрытое на поселении Коштета I в. Ургутском районе Самаркандской области прямоугольное в плане здание с круглым залом, датированное VII-VIII в.в. н.э. Основанием для этого вывода послужили его архитектурные особенности, в некоторой степени близкие византийским христианским храмам, а также найденный здесь фрагмент стенки хума с оттисками печати, на которой, вероятно, представлен обряд крещения.

У арабского географа Ибн-Хаукаля (X в.) есть интересное описание христианского селения Вазгерд, опубликованное В.В.Бартольдом: "К югу от Самарканда есть гора Шавдар На горе Шавдар есть христианская церковь: здесь собираются христиане, и здесь находятся их кельи. Я нашел там много иранских (месопотамских) христиан, удалившихся туда вследствие плодородия места, его уединенного положения и здорового воздуха. Церковь, в которой постоянно обитает много христиан, владеет недвижимой

ответственностью: место господствует над большей частью Согда и известно под именем Вазгерда".

По мнению В.В. Бартольда, это христианское селение находилось в районе Ургута, к югу от Самарканда. Здесь же, в местности, расположенной к юго-западу от Ургута, в ущелье Гульбог найдено несколько десятков сирийских надписей – граффити и изображений креста. Все эти данные свидетельствуют, что район Ургута на протяжении нескольких столетий являлся крупным христианским центром Средней Азии. Христианское селение Винкерд, по данным того же Ибн-Хаукаля, существовало и на территории современной Ташкентской области, на берегу Сырдарьи.

Весьма интересными памятниками, выявленными лишь в последнее время, являются центральноазиатские монеты с христианскими символами. На одной из таких монет, найденных в Пенджикенте, в центре оборотной стороны четырехконечный крест с расширяющимися концами несторианского типа; рядом помещен династийный знак согдийского владетеля. На лицевой стороне второй монеты, с городища Варахша, помещено изображение хищного животного, идущего вправо, а в центре оборотной стороны несторианский крест. Эти монеты, вероятнее всего, выпущены согдийскими князьями - христианами или главой христианской общины или монастыря.

Бронзовые монеты с изображением несторианского креста выпускал Рохану (VII в.) – правитель (афшин) Уструшаны.

Крайне любопытна бронзовая монета VII в., выявленная на *Афрасиабе*. На лицевой стороне погрудное изображение правителя с монголоидными чертами, в высоком башлыкообразном головном уборе. Справа от головы большой крест, вертикальная перекладина которого длиннее горизонтальной, а слева – небольшой крест несторианского типа. Подобный принцип размещения крестов характерен для монет христианской Византии, в частности, Юстиниана I (527-565 гг.), находки которых в Средней Азии нередки и, вероятнее всего, скопирован с них. Насыщенность монеты христианскими символами свидетельствует о том, что выпустивший их тюркский правитель придерживался христианского вероучения, скорее всего несторианского типа. В коллекции монет, собранных экспедицией В.А.Шишкина на городище Варахша, выявлены около десятка бронзовых монет с изображением на лицевой стороне хищного зверя или оленя, а на оборотной - несторианского креста.

Наряду с монетами, в Средней Азии обнаружено немало предметов с христианскими символами и сюжетами, датирующимися ранним и развитым средневековьем. Одна из наиболее интересных находок – клад раннехристианских предметов, найденных в 20-х годах 20 в. на городище Геоктепа в Южном Туркменистане. В составе частично сохранившегося клада 6 в. имелись круглые бляшки и медальоны с дырочками на краях, предназначенные для нашивания на ткань. На них изображен баран-агнец, символизирующий в раннем христианстве изображение Христа вплоть до конца VII-X в., когда на Трильском соборе 691-692 гг. оно было отменено и Христа стали изображать "по человеческому естеству". На других бляшках было нанесено изображение птицы-феникс, в раннем христианстве символ бессмертия и воскресения.

Наиболее интересные сюжеты на золотом медальоне. На одной его стороне изображен баран, стоящий на постаменте из трех горизонтальных черт, над ними маленький крест, а позади головы барана древко, на верхнем конце которого прикреплены развевающиеся полотнища. На другой стороне стоящая человеческая фигура, а позади древко знамени.

М.Е.Массон доказал, что здесь переданы христианские образы и символы: баран – это агнец, человеческая фигура – изображение Христа-пастыря, древко с развевающимися полотнищами передает хоругвь – культовое знамя христианской церкви, а три горизонтальные черты – это символ горы Голгофы, на которой Христос принял свою мученическую смерть.

На Коштпе I обнаружен венчик кума с тремя оттисками печати и изображением двух мужских фигур. Одна из них, в длинном одеянии и высоком головном уборе, стоит в полный рост. В левой руке книга, возможно Евангелие, в правой, высоко поднятой руке он держит крест, как бы осеняя склонившегося перед ним в колено-преклоненной позе мужчину в богатом одеянии и короне (?). Возможно, здесь передан обряд крещения, причем, судя по короне и богатому одеянию, новообращенное в христианство лицо было знатного рода.

Из того же Ургута происходит еще ряд христианских культовых предметов. В частности, бронзовое кадило, на поверхности которого изображены сцены из Нового завета: "Благовещение", "Встреча Марии и Елизаветы", "Рождество", "Крещение", "Распятие", "Жены-мироносицы у гроба". Кадило сирийского происхождения и может

быть датировано VIII-IX вв. Из Самарканда происходит так называемая "Ампула Святого Мины", хранящаяся в Эрмитаже. Это небольшой сосуд с уплощенным туловом и двумя ручками, прикрепленными к горлу. С обеих сторон поверхность тулова покрыта штампованными медальонами, в которые помещены изображения Святого Мины, стоящим во весь рост с распростертыми руками. Слева и справа наверху изображения крестов, а внизу фигуры двух верблюдов. Такого рода "ампулы" изготовлялись в IV-VII вв. в контском монастыре Святого Мины, к западу от Александрии в Египте. Они заполнялись водой из целебного монастырского источника и из монастыря разносились паломниками за пределы Египта. В краеведческом музее города Ош хранится керамическая плитка с изображением несторианского креста. Здесь же на склонах священной горы Тахти-Сулейман есть несколько аналогичных изображений.

В Средней Азии найдены и другие категории христианских предметов. В некрополях Джамуката и Навакета вскрыты христианские погребения с бронзовыми нательными крестами. Аналогичный крест найден в одной из могил некрополя Дашти-Урдакон в районе Пенджикента. На Афрасиабе обнаружен несторианский бронзовый крест, нагрудный крест VIII-IX вв. из нефрита найден на Краснореченском городище в Киргизии. Изображения несторианских крестов помещены на стенках оссуариев, найденных на Афрасиабе, в Миздахкане, в некоторых районах Согда, Хорезма, Чача.

Несомненно, внедрению в сознание местного населения христианской символики определенную роль сыграли византийские монеты, которые, начиная с Константина Великого и последующих императоров, в значительном количестве, также, как изготовленные с них индикации, встречаются в Средней Азии. Все они на своей поверхности несут изображение крестов от простых до патриарших.

Одним из свидетельств христианства в Средней Азии являются также христианские письменные памятники. Наиболее ранний из них (не позднее 740 г.н.э.) обломок сосуда из Пенджикента с сирийским текстом, фрагментом из псалмов, входивших в Пештитту — сирийскую версию Библии. Сирийские наскальные надписи, вероятно христианского содержания, в значительном количестве имеются в районе Ургута, но они из-за плохой сохранности плохо поддаются

чению. К IX-X вв. относятся несколько согдийских христианских надписей из Киргизии.

Одна из них, выполненная на венчике хума, найдена на городище Красная Речка (древний Сарыг): "Этот хум (предназначен для учителя Йарук-тегина. Мастер-Пастун. Пусть будет он (хум) наполненным, аминь, аминь". Как считает *В.А.Лившиц*, знатный тюрк Йарук-тегин был, видимо, одним из христианских руководителей города Сарыга. Другая согдийская надпись, происходящая из городища Яккалыч в Чуйской долине, состоит из духовного титула и типично согдийского имени "епископ Ширфарн". Сирийские и согдийские христианские надписи найдены в Таразе. Краткая вертикальная согдийская надпись на стенке кума отражает духовный титул и тюркское имя "пресвитер Иль-Таг".

Интересна сирийская надпись, вырезанная на сосуде, передающая два христианских имени: Петр и Гавриил, которые, были христианами-яковитами.

Интересны также христианские надгробные гальки-кайраки с эпитафиями, выполненными сирийской письменностью. Наиболее ранние из них найдены при раскопках цитадели городища Красная Речка (789 и 909 г.г.). Среди большого числа погребальных памятников, раскопанных в Средней Азии, удалось выделить и христианские погребения, например, в некрополях Старого Мерва, Тараза, Ак-Бешима, Навакета, Джамуката и др. Судя по ним, христиане Средней Азии практиковали захоронение в хумах, в частности в некрополе Ак-Бешима найдено погребение в хуме с процарапанным на нем несторианским крестом, оссуариях, склепах, обычных грунтовых могилах с труположением.

В области Восточного Туркестана христианство несторианского толка проникает, вероятно, ранее VI в., но уже в следующем столетии оно заняло здесь прочные позиции. Его появление в этих областях, видимо, связано с деятельностью несторианских миссионеров и с согдийцами-купцами, христианами по вероисповеданию, которые способствовали распространению христианства не только здесь, но и в соседнем Тибете. Об этом красноречиво свидетельствует надпись, найденная в Ладаке на границе Кашмира и Тибета. Она исполнена согдийским вертикальным письмом: Год 210. Я прибыл изнутри (т.е. - из Восточного Туркестана). Самаркандец раб (божий) Ношфарн пойдет к кагану Тибета. Надпись датирована по эре сасанидского

царя Иездегерда и соответствует 841/12 г.н.э. Рядом с ней на камне вырезаны изображения крестов.

Письменных источников о распространении христианства в Восточном Туркестане сохранилось очень мало. Но о его широком распространении свидетельствуют найденные здесь тексты христианских сочинений, исполненные согдийским алфавитом — устрangelo на согдийском языке. Вместе с тем согдийцы, переводившие христианские сочинения на свой язык использовали и свою письменность.

Из оазисов Восточного Туркестана несторианство по трассам Великого Шелкового пути проникает в Китай. Уже в VI в., согласно китайским хроникам, в провинции Ганьсу проживала семья несторианина сирийца Мар Сарриса, предки которого прибыли сюда с Запада. Патриарху Иешубе III (628-643) приписывается учреждение первой митрополии в этой стране. Большую роль в распространении Христианства сыграла свойственная несторианам активная миссионерская деятельность. Так, согласно сирийским хроникам, при патриархе Тимофее (780-819 гг.) один из выдающихся пропагандистов несторианства Субхалашу из прикаспийских областей через Среднюю Азию проник в Китай, обратив в христианство язычников тюрков, огнепоклонников, манихеев и мархионитов.

Но наиболее ярким свидетельством пребывания несториан в Китае является знаменитая каменная стела из Чаньяня, установленная в 781г. хорепископом Хумдана Язедбоузидом "сыном Милиса, священника из Балха, города в Тохаристане". В ней излагается краткая история этого вероучения в Китае. Надпись на стеле двуязычная: китайско-сирийская. Автором сирийской версии был "персидский священник" Адам, которому принадлежит перевод 36 христианских сочинений на китайский язык.

Первое несторианское посольство, возглавляемое епископом Алобянем, прибыло в Чаньянь в 635 г. В Китае несториане основали несколько монастырей: четыре из них в Чаньяни, один в Лояне и четыре в Сычуане, Линьфу.

В основном несторианство в Китае исповедовали иноземцы, данные о его распространении среди самих китайцев отсутствуют. Несторианство в Китае пользовалось особым покровительством при императорах Танской династии, заинтересованных в торговых контактах с Западом, проводниками которых в основном были

несториане-согдийцы, персы, сирийцы. Однако впоследствии, с изменением политической обстановки, несторианство начинает подвергаться гонениям, а эдиктом 845 христианам, также как манихеям и буддистам, предписывалось покинуть пределы Китая. К концу 10 в. христианство в Китае полностью исчезает. Несмотря на то, что несторианство сравнительно недолго существовало в Китае, оно оставило здесь определенный след, что выразилось в строительстве монастырей, переводах христианских книг на китайский язык, воздействии на китайскую философию. Японский исследователь Саэки считает, что в трудах некоторых китайских философов встречаются изречения, заимствованные из Евангелия.

В распространении несторианства в Китае, наряду с сирийскими миссионерами, видная роль принадлежала священникам – выходцам из Средней Азии – тохаристанцам и согдийцам, согдийским купцам-христианам.

Переходя из одной страны в другую, преследуемые приверженцами иных религий, христиане-несториане преодолели весь многотрудный Великий шелковый путь от далекой Сирии и Византии до Чаньяна в Китае. Многие из них приняли мученическую смерть, но ничто не могло заставить их изменить своей вере. Они несли с собой слово божье и распространяли его, перефразируя в некотором роде известные слова апостола Фомы из Деяния Святых Апостолов.

Гонимые превратностями судьбы, преследуемые официальными властями, уничтожаемые и презираемые ... Истории и духовной сущности их учения немало строк посвятили как древние авторы, так и современные ученые, что впрочем остается малодоступным для широкого круга читателей.

Манихеи оставили заметный след не только в истории культуры Средней Азии, но и на всей фактически трассе Великого шелкового пути. Ибо начали они свой путь из городов Ирана, а закончили в степях и пустынях Средней Азии.

Основу "мировой религии" *Мани* составляет дуалистическая концепция о том, что мир состоит из двух начал: светлого и темного, которые находятся в непрерывной борьбе между собой. Манихеи уверяли, что в космосе существовало два вечных противоположных друг другу бога - света и тьмы. На борьбу с богом тьмы был послан первый человек – Хормизд, в помощь которому бог света придал пять священных элементов: чистый воздух, теплый ветер, свет, воду и

очищающий огонь. Борьба оканчивается неудачей, и первочеловек просит помощи у бога, который посылает ему духа "живого", однако, несмотря на это, душа первочеловека остается во власти тьмы. В каждом человеке, по вероучению манихеев, душа также является порождением зла, а доброе истинное начало заключено в "искре божьего света". "Задача каждого истинного манихейца заключена в ее освобождении, что может быть достигнуто путем нравственного совершенства. По этой причине миряне не должны убивать себе подобных, животных, отказываясь от мясной пищи". Еще больше запретов налагалось на так называемую "катеорию избранных", которые не должны вступать в брак и даже рвать те растения, которые шли в корм животным. Основные задачи "избранных" – молиться за допускаемые мирянами грехи, а также проповедовать манихейскую религию. За это "избранные" сразу же попадают в рай Света, тогда как миряне, прежде чем достигнуть его, должны пройти ряд перевоплощений, появляясь на земле все в новом и новом обличье.

Высокие моральные категории, проповедоваемые манихеями, выдвинутый ими социальный лозунг: "кто богат, тот будет беден, будет просить подаяние и претерпит великие муки" -- привлекли к ним массы бедного и среднего населения. Манихейство, благодаря хорошо поставленной пропаганде, еще при Мани стало распространяться не только в Иране, но и в Месопотамии, Малой Азии, Риме, на Востоке и в Средней Азии. Сам Мани утверждал, что "исра моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны".

Манихеи создали обширную литературу, главным образом, религиозного характера. Мани написал множество сочинений на восточноарамейском наречии и среднеиранском языке, а для их записи он применял разновидность сирийского письма "праэстрангело", передающего гласные звуки иранского языка, что в большей степени облегчало чтение и письмо. Кроме того, согласно многим преданиям, Мани был выдающимся художником, проиллюстрировавшим свои произведения, равно которому не было в мире. До недавнего времени имя Мани у народов Средней Азии и Ирана являлось символом великого художника.

Успехи учения Мани, отдельные элементы социального протеста, какими бы они не были пассивными, не могли не вызвать опасений у правящего класса и зороастрийского жречества Ирана. Поэтому уже при следующем сасанидском царе Варохране I (273-276

гг. н.э.) Мани был заключен в тюрьму и казнен, сторонники манихейской религии подверглись жестокому преследованиям. Массы манихеев переселились в Среднюю Азию.

Арабский историк Ан-Надим писал: "Первой религией, помимо саманства (буддизма), которая проникла в Мавераннахр, было манихейство. Причиной было то, что когда Хосрой убил Мани и распял его и запретил людям в своем государстве участвовать в расправах по вопросам религии, он приступил к избиению последователей Мани, где бы он их ни находил. И они (манихеи) бежали от него, пока не перешли реку Балха (Амударья) и не вступили в страну Хана, и оставались они при нем".

В Средней Азии манихейские общины были основаны еще при жизни Мани. Огромную роль в распространении манихейства здесь сыграл один из самых примечательных деятелей манихейской церкви Мар-Амо – весьма образованный человек, знавший парфянский язык и письмо. Мани послал его в Среднюю Азию пропагандировать манихейство. Мар-Амо прибыл вначале в Абаршахр, затем в Мерв, а оттуда в *Кушанское государство*, где также основал манихейскую общину.

Уже после смерти Мани Мар-Амо вел активную миссионерскую деятельность по среднему течению Амударьи, где в городе Зембе (средневековый Зем) им была основана манихейская община.

О деятельности Мар-Амо в Средней Азии свидетельствуют два важных документа, найденных в Турфанском оазисе в Восточном Туркестане. Один из них – письмо, отправленное первым преемником Мани – Сисионом из Мерва к Мар-Амо в Земб. В этом письме предписывается проводить активную пропагандистскую деятельность, терпеливо и настойчиво разъяснять основы манихейской веры.

Позднее манихейство широко распространяется во многих городах и областях Средней Азии, но главными ее центрами здесь были Мерв, Самарканд и Чаганиан. В Самарканде, в частности, одно время находилась резиденция верховного главы манихеев, а согдийский язык к концу VII в. становится официальным языком восточной манихейской церкви.

Позиции манихейства были сильны и в Чаганиане, царь которого в 719 г. направил китайскому императору манихейского учителя (великого Мо-дзо) в качестве посла и проповедника этой религии. Он писал, что этот человек искушен в астрономии и

обладает глубокой мудростью, не существует ни одного вопроса, на который он не смог бы дать ответа. Царь просил, чтобы учителю позволили построить храм, где он смог бы выполнять служения, согласно предписаниям его религии.

Все это говорит о том, что манихейство являлось в Чаганиане не только официально признанной, но и, возможно, господствующей здесь религией. Очень интересна в этом отношении согдийская надпись, сопровождающая настенную живопись, открытая в одном из пещин Аффрасиаба. В ней рассказывается о посольстве царя Чаганиана Гуранташа к царю Самарканда Авархуману и, в частности, говорится, что прибывшие в столицу Согда чаганианцы не будут внедрять и пропагандировать среди жителей Самарканда своей веры, под которой весьма вероятно, подразумевалось манихейство.

Известно, что манихейская религия широко распространилась среди тюркских племен. Многие манихейские рукописи написаны на древнетюркском языке. Именно в Восточном Туркестане было найдено большое число богато иллюстрированных манихейских сочинений и среди них уйгурский текст "Хвастуванифта" - "Покаянная молитва" - одного из основных сочинений манихейской религии, обнаруженных английским археологом Аурелом Стейном в развалинах древнего городища у Дуньхуана.

В 762-763 г.г. уйгурский правитель Бегю-каган в китайском городе Лояне встретился с высшими иерархами манихейской церкви, после чего он и его приближенные приняли манихейство, объявленное затем государственной религией в Уйгурском Каганате. Данный статус манихейство сохраняло здесь до 840 г.

В Китай манихейство проникло из Средней Азии через Восточный Туркестан. Главными его проводниками, как считает *В.Хеннинг*, являлись согдийцы. Многие манихейские сочинения были переведены на китайский язык, а в городах Лоя-не – столице Танской империи и Гайюани в 807г. были воздвигнуты манихейские храмы.

Манихейство в Восточном Туркестане и других областях Средней Азии еще долго сохраняло свое значение.

На протяжении нескольких столетий манихейство играло важную роль в развитии архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, о чем свидетельствуют находки из Восточного Туркестана, особенно Турфанского оазиса. Особую роль играли манихеи в развитии музыки, настенной живописи, книжной миниатюры. Богато иллюстрированные манихейские книги поражали современников.

Считается также, что манихейские монастыри являлись прототипами появившихся позднее мусульманских ханако.

Для исследователей остается до сих пор сложным вопрос о выделении манихейских древностей среди великого множества и разнообразия культур Средней Азии. Благодаря находкам манихейских текстов, живописи и миниатюр, а также монастырей этот вопрос в той или иной степени решен для Восточного Туркестана. Но до сих пор нет ни одного убедительного научного свидетельства о манихейской принадлежности того или иного памятника.

Некоторые исследователи считают манихейскими храмы, раскопанные в Пенджикенте, связывают с манихеями отдельные типы оссуариев и терракот.

В конце 70-х годов был исследован своеобразный могильник Биттепа, расположенный в отрогах Бабатага на левом берегу Сурхандарьи. Он состоит из нескольких склепов, вырубленных в конгломератах на высоте 15-20 м. В склепах находились костяки, лежащие на спине в вытянутом положении в сопровождении разнообразного погребального инвентаря.

Этот некрополь принадлежал, видимо, жителям раннесредневековой одноименной столицы области Чаганиан, ныне городище Будрач, расположенного в 4 км от вышеназванного могильника, прямо напротив его, на другой стороне реки. Обычно некрополи, как это показывают археологические исследования, располагались вблизи города или селения. А здесь достаточно далеко и к тому же в столь уединенном месте, что наводило на мысль о том, что погребенные в могильнике Биттепа принадлежали к отдельной религиозной общине.

Основываясь на анализе отдельных сторон погребального обряда могильника Биттепа, можно предположить, что он мог принадлежать манихейской общине. В частности, в нем отсутствуют керамические сосуды. Возможно, их здесь заменили деревянными, но таковых также нет, что, кстати сказать не может быть объяснено плохой сохранностью дерева – в могильнике прекрасно сохранилась коробочка-пиксида. Таким образом, отказ ставить в могилу сосуды с пищей и водой связан, скорее всего, с какими-то изменениями в погребальном культе. Душа по пути в загробный мир больше не нуждается в пище – так можно сформулировать новые изменения в представлениях о душе в загробном мире жителей Чаганиана,

которые прежде, заботясь о покойных, еще с эпохи бронзы ставили в могилы многочисленные сосуды с пищей и водой. Нередки находки в них и жертвенной мясной пищи – костей баранов, изредка и крупного рогатого скота. В могильниках же раннесредневекового Чаганиана ни одной находки костей животных, за исключением астрагалов – культовых игровых предметов, пока не обнаружено, тогда как в некоторых из них в могилы положены зерна различных злаков.

Следовательно, происходит отказ не вообще от пищи, а в первую очередь, от мясной. В этой связи очень любопытно, что запрет мясной пищи является одним из главных предписаний манихейской религии, служители и приверженцы которой должны были питаться только растительной пищей.

Но как все же хоронили манихеи и были ли выработаны у них какие-то особые погребальные обряды? К сожалению, эта сторона манихейской религии остается все еще загадкой для ученых, так как в письменных источниках сохранилось очень мало сведений об этом. Судя по отдельным фрагментам манихейских сочинений, одним из способов захоронения у них было, вероятно, труположение. В отрывке парфянского текста о смерти Мани говорится: "... Апостол Света снял нательные боевые доспехи и воссел в корабль Света и воспринял божественное одеяние, диадему Света и прекрасный венец, и с великой радостью, вместе с божествами Света, которые сопровождали (его) справа и слева, при (звуках) чанга и радостной песни полетел с божественной мощью, словно молния быстрая и видение блестящее, спеша к Столпу восхода Света и Луносфере, к месту божественного сближения и остался у отца Ормузда-бога".

Вероятно, у манихеев не существовало какого-то канонически утвержденного погребального обряда, во всяком случае, в тех областях Средней Азии и Восточного Туркестана, где укрепилась манихейская религия. Адепты ее приспособлялись к уже существующей в этих областях погребальной практике, несколько видоизменяя ее в соответствии с требованиями этой религии, а вновь обращенные неопиты приносили в погребальную обрядность черты местных, издавна существовавших здесь обычаев и верований.

Проживая совместно с христианами в одних и тех же городах и областях, имея много общего и зачастую разделяя их полную превратностей судьбу – жестокие гонения и преследования – манихеи могли воспринять и христианскую символику, и христианские предметы.

шелком на Великом шелковом пути. Это допустимо, хотя, вероятно, существовали и другие обстоятельства, вызвавшие миграцию евреев. В частности, восстание еврейского народа под предводительством Бар-Кохбы (132-135 гг. н.э.) против римлян во время правления Марка Аврелия, жестокое его подавление и массовое истребление евреев.

В первые века н.э. сложился крупный еврейский центр в Дура-Европос, где раскопана синагога, построенная в 224-225 гг. н.э. со знаменитыми росписями. Наиболее ранним и крупным регионом их расселения, вероятно, являлся Мерв (здесь обнаружены оссуарии с надписями еврейским квадратным письмом). По-видимому, миграции евреев-иудаистов из Мерва в Бактрию-Тохаристан, Согд и Хорезм способствовало также то обстоятельство, что Вавилонская иудаистская академия Пумбедата (Пероз-Шапур, Анбар в Месопотамии) стала с конца VI в.н.э. более активно пропагандировать иудаизм и еврейские религиозные законы на северо-западе Ирана, в частности в Хорасане, и в других близлежащих областях.

В столице Тохаристана – Балхе (Бактры) евреи укрепились, видимо, задолго до арабского завоевания этого города (709 г.). Согласно Фаза ил Балхи и Бахр ал-Асрар, одни из ворот Балха назывались Йахудийа, т.е. Еврейские. По-видимому, рядом с ними находился еврейский пригород Балха Йехуданак – "маленькое еврейское место", упоминаемое в IX в. Йакуби, но сложившийся, вероятно, также в доарабский период. На северо-западе от Балха в области Джузджан существовал целый город, носивший название Йахудийа (Йахудии, Джахуди или Йахудан ал-Кобра (Йакут)), свидетельствующее о том, что этот город был или основан евреями или основательно ими перестроен в раннее средневековье. Позднее, между 988-1031 гг. он был переименован в Маймана, под которым названием сохраняется до сих пор.

К сожалению, нет письменных источников о присутствии евреев в Самарканде и Бухаре в раннем средневековье, но в том, что они были здесь в это время вряд ли приходится сомневаться. В Самарканде бытовала легенда, отраженная в подлиннике "Кандии" Несефи, о знаменитом свинцовом водопроводе Джуи Арзиз, строительство которого относится к доарабскому времени, который был возведен неким еврейским мудрецом.

В Хорезме евреи-иудаисты поселяются задолго до арабского завоевания его в первой половине VIII в. Согласно Шахрестане Ираншахр (города Ирана), основатель столицы Хорезма – города Кята Парсе был сыном еврея. Другой хорезмийский город Хива, средневековый Хейвак, согласно легенде, изложенной в средневековых письменных источниках, был также основан евреем – библейским Симом, сыном Ноя. Эти легенды далеки от реальной действительности, так как по археологическим данным Хива и Кят основаны задолго до н.э., рациональное зерно в них бесспорно существует. Табари во время арабского завоевания Кята в 712 г. среди советников Хорезмшаха упоминает *ahbar*, каковой термин употреблялся арабами для обозначения еврейских священников.

Через Согд, Чач, Фергану евреи достигали Восточного Туркестана. В Дандан Уйлиге найден двуязычный (персидско-еврейский) документ VIII в., составленный еврейскими купцами.

Таковы сведения, которыми располагает сейчас наука о расселении евреев-иудаистов в Средней Азии в домусульманский период. Именно иудаистов, так как, по всей вероятности, и среди христиан, появившихся здесь также в первые века нашей эры, были еврей-христиане.

Исключительно важная роль в духовной жизни народов, обитавших вдоль трасс Великого шелкового пути в древности и раннем средневековье, принадлежит буддизму. Эта одна из наиболее распространенных мировых религий зародилась в Индии в VI в. до н.э. Ее основатель Шакьямуни ("отшельник из племени шакьев"), реальное лицо, царевич Сиддхартха, принадлежавший к знатному роду Готама, отсюда его родовое имя Гаутама. Он жил в Северной Индии в 566-476 гг. или в 563-473 гг. до н.э.

Согласно буддийским религиозным преданиям, грядущий Будда, что в переводе с санскрита означает "просветленный высшим знанием, осененный истиной", явившись на землю для того, чтобы указать человечеству путь спасения от страданий, воплотился в царевича Сиддхартху.

Уйдя из дома, он стал искать средство, ведущее к избавлению от страдания, и однажды, сидя под священным деревом Бодхи, познал "четыре благородные истины", став Буддой.

Недалеко от Бенареса он произнес перед пятью будущими учениками первую проповедь, затем, в течение сорока лет

проповедовал свое учение, которое первоначально называлось "последователи дхармы".

Дхарма – одно из основных понятий буддизма, включающее учение Будды, текст, в котором изложено это учение, и элемент текста или состояние сознания. Лишь позднее это учение по имени его основателя стало называться буддизмом.

Наряду с различными школами в буддизме существуют два главных направления. Хинаяна, или "малая колесница", "узкий путь спасения" с характерным для нее полным отказом от мирской жизни, получила распространение в раннем буддизме и играла основную роль в Магадхском царстве. Существенным моментом в учении хинаяны является малозначительная роль бодхисатв, которые не являлись в ней объектом почитания и никакой роли в спасении человека не играли.

Спасение человека зависело от него самого, если он вставал на путь, указанный Буддой.

Другое направление – махаяна, "большая колесница", ставшее наиболее распространенной школой буддизма после IV буддийского собора, созванного царем Канишкой в Кашмире.

В отличие от хинаяны бодхисатвы в махаяне – это сверхъестественные существа, небожители, различные воплощения самого Будды. Они добровольно, ради помощи людям, отказываются от своего права погружения в нирвану, им свойственна любовь и милосердие к людям, поэтому они пользовались исключительным почитанием в махаяне.

Пантеоны бодхисатв постоянно пополнялись в основном за счет шиваитских и вишнуитских богов, но также в него включают и божества народов, принявших полностью или частично буддизм. Эти божества, по словам А.Н.Кочетова, "подвергаются небольшой мифологической обработке, сводившейся главным образом к созданию рассказов об обращении их в буддизм".

Уже в период правления великого царя Ашоки (273-239 гг. до н.э.) буддизм становится государственной религией обширного индийского царства Маурьев (322-184 гг. до н.э.), а затем распространяется в Бактрии, Согде, Сериндии (Восточный Туркестан) и Китае. Распространение буддизма в Китае шло двумя путями: непосредственно из Индии и из ряда историко-культурных областей Средней Азии, в которых буддизм ко времени его первого появления в Китае, по-видимому уже занимал достаточно крепкие позиции.

Буддизм в Китае появляется между первой половиной I в. до н.э. сер. I в.н.э. Некоторые ученые (к примеру, Ставиский Б.Я., Литвинский Б.А.) выражали сомнение в том, что Средняя Азия была ретранслятором буддизма в Китай.

В китайских письменных источниках переданы две основные версии знакомства китайцев с буддизмом. Обе они связаны с юечжами, народом во второй половине II в. до н.э. поселившимся в Северной Бактрии, а затем по всей этой области.

Согласно первой версии, изложенной во "Введении к сутре в сорок втором отделе", ханьский император Минди отправил группу посланников в страну юечжей, дабы получить священные тексты. Эта миссия имеет разные датировки – 60, 61, 64, 68 гг. н.э. После трех, а по одной из версий одиннадцати лет, посольство вернулось с текстом или переводом "Сутры в сорок втором отделе".

Вместе с посольством прибыли и первые иностранные миссионеры-буддисты в Китае – Касьяна Матанга и Дхармаратна. После чего император построил в Лояне буддийский монастырь Пай-массу.

Бытуют различные оценки этой версии. Так, известный китайский ученый Тан-Ян-Тун не исключает возможность использования этой версии как исторического факта. Напротив, Г.Масперо считал эту версию фикцией, пропагандистской историей, полной анахронизмов. По его мнению, она появилась в III в.н.э. и получила дальнейшее развитие в IV–V вв. н.э.

По второй версии, согласно традиции, сложившейся в начале III в.н.э., китайский посланник ко двору юечжей, студент императорской академии Чин Лю (имеются различные формы написания его имени) был обучен юечжийским кронпринцем буддийским сутрам во II в. до н.э. Эта история впервые изложена в очень испорченном пассаже об Индии из Ши-джунчан Вей-Лео, созданном около середины III в.н.э. Полностью этот пассаж выглядит так: "В древности в правление императора Ай из династии Хань в первый год периода Ян - Шоу (II в. до н.э.) студент императорской академии Чин Лю получил от И-Изуна, посланника царя Великих Юечжей, устную инструкцию о буддийских сутрах. Широкое распространение буддизма в Бактрии, особенно в северной ее части подтверждают обнаруженные здесь памятники раннего буддизма: Аиртам, Дальверзинтепа, Каратепе, Фаязтепа, время возведения которых относится, по крайней мере к I в. н.э.

Значительная роль ряда областей Запада Средней Азии - Парфии, Бактрии, Согда в распространении буддизма подтверждается сведениями китайских письменных источников. Парфия. В китайских письменных источниках упоминаются пятеро парфян, способствовавших распространению и пропаганде буддизма в Китае. (I – IV в. н.э.), (Ань-Шигао, Ань-Шань, Тан-У-Ти, Ань Фачжень, Ань Ху Изе). Наиболее известен из них Ань-Шигао. Он прославился тем, что был первым переводчиком буддийских сутр на китайский язык, а также создал школу переводчиков буддийских текстов.

Согласно традиции Ань-Шигао был последним принцем, отказавшимся от престола ради служения религии. Историографы насчитывают от 30 до 176 его сочинений. Второй парфянин Улусака Ая-Чжан был в начале купцом. В 181 г. н.э. он прибыл в Лоянь и вступил в буддийскую общину, возглавляемую Ань-Шигао совместно с первым известным нам китайским монахом Ян-Фотао, они перевели на китайский язык сочинения «Уградаммапарепреpa», содержащие сведения о жизненном пути Ботхисатвы.

Последний парфянский буддист – Ань Ху Изе, упоминаемый в китайских письменных источниках, был известным каллиграфом. Древний Мерв, столичный город Маргианы в первой-начале второй половины нашей эры был крупным буддийским центром. Здесь были открыты 2 буддийских памятника – крупный наземный монастырь и буддийская ступа, постройки относятся к эпохе Сасанидов, которые подвергали буддистов в Маргиане гонениям.

Согд. Эта область Средней Азии сыграла выдающуюся роль в установлении торговых и культурных взаимоотношений с Китаем. Немаловажное значение имели выходцы из Согда и в распространении буддизма в Китае.

Китайские письменные источники называют четырех согдийских монахов-буддистов: K'ang-hsiang, самого знаменитого из них K'ang -Seng –K'ai или K'ang-Seng-hui (индийское имя его Е.Цюрхер дает как Sanghavarman?, а Р.Багчи как Sanghamar?) и Бао-и (Ратнами). Кан Изюй был современником известного юечжийского монаха Локакшемы и действовал в Китае после 190 г. н.э. Он родился в Лояне, а затем переселился в Чаньань, где существовала большая буддийская община с группой переводчиков на китайский язык сочинений Махаяны. В этой же группе переводчиков упоминается и другой согдиец Кан Мэн-сян, работавший над переводами сочинений из жизни Будды.

Родители Кан-Сэн-уэй (умер в 280 г.н.э.) из Согда переселились в Индию, а затем в Тонкин, где в первой четверти III в.н.э. родился Сэн-уэй. После смерти отца он покинул мирскую жизнь и стал монахом. В 247 г.н.э. переехал в Нанкин, где построил монастырь и основал буддийскую школу. Кан-Сэн-уэй был первым проповедником буддизма в Южном Китае. Ему приписывается обращение в буддизм императора Сунь Хао, строительство множества монастырей и ступ, переводы на китайский язык многих буддийских сочинений и комментариев к ним, часть из них сохранилась до сих пор.

Другой согдийский монах Бао-и (родовое имя Кан, индийское имя Ратнами), вместе с семьей из Согда вначале переселился в Индию, затем, в 454- 456 гг. в Китай, где местом его пребывания стал монастырь Ваганьси. Ратнами был выдающимся знатоком буддийских сутр и виная, различного рода заклинаний и предсказаний, получив от современников прозвище "Наставник в Трипитаке".

Кроме того, китайские письменные источники упоминают для IV в.н.э. двух лиц, имеющих непосредственное отношение к пропаганде буддийского вероучения в Китае. Это Кан Фа - ши, который был не только буддийским монахом, но и первым известным в китайской истории каллиграфом, оформителем буддийских сочинений. Он работал в тесном контакте с величайшим каллиграфом того времени Кан-Чином, также, судя по его имени, согдийцем. Буддийские сутры, оформленные этими лицами, имели весомую ценность.

Таким образом, и согдийцам, также как парфянам, принадлежит особая роль в распространении буддизма в Китае. Однако большинство из них были уроженцами Индии или Китая, но не Согда.

Вопрос о распространении буддизма в Согде остается открытым. До сих пор, за исключением буддийского святилища в Саназаре здесь не открыто каких-либо буддийских памятников. Известны, правда, находки головы Будды вблизи Самарканда и буддийских статуэток из Южного Согда.

Бактрия-Тохаристан. С этой областью китайская традиция связывает первое знакомство китайцев с буддийским вероучением. Выходцы из Тохаристана сыграли незаурядную роль в распространении и пропаганде буддизма в Китае.

Самый первый из них, монах Чжи Лоуцзян- чань или Чжи-Чжан, индийское прозвище которого Локакшема, прибыл в Китай из страны

Юечжей спустя двадцать лет после Ань-’игао. Его деятельность здесь имела место между 168 - 188 г.н.э., по Б.Цюрхеру, хотя Р.Ч.Багчи указывает, что Локакшема прибыл в Лоянь в 147 г.н.э. Локакшеме приписывается от двенадцати до четырнадцати переводов буддийских сочинений на китайский язык, а также честь первого переводчика Сиратгамасамуахисутра. Особая роль принадлежит Локакшеме в деле перевода сутр махаяны и внедрения буддизма махаяны в Китае.

Другой юечжийский монах – упасака Чжи Цзянь (первая половина III в.н.э) по прозвищу Гун-Мин, родовое имя Юэ, был учеником Локакшемы.

В период с 222-253 гг. он перевел на китайский в изысканной литературной форме сорок девять буддийских произведений, сочинил три гимна на тему о Бодхисатве и прокомментировал Шолистамбхака-сутра.

Выдающееся значение для распространения и пропаганды буддизма в Китае имела деятельность буддийского монаха Чжу Таньмалоча по прозвищу Дхармаракша (китайское имя Фа-Ху), выходец из токарской семьи, поселившейся в Дуньхуане в середине III в.н.э. Отсюда другое его прозвище "Дуньхуанский Бодхисатва". Он приехал в столицу Китая – Чаньань в 284 г.н.э. и действовал там до 313 г.н.э. Дхармаракша обладал незаурядными знаниями и феноменальной памятью, знал 36 языков. Ему приписывается перевод на китайский язык ста буддийских сочинений. В пригороде Чаньяня Дхармаракша основал монастырь, где прошли обучение несколько тысяч монахов. Как особо выдающееся качество Дхармаракши отмечается, что он понял "идею конца перерождения нирваны". Скончался Дхармаракша в возрасте семидесяти семи лет.

Итак, приведенные данные с очевидностью свидетельствуют о выдающейся роли буддийских монахов – выходцев из Средней Азии в распространении буддизма в Китае в первой половине первого тысячелетия нашей эры, в переводах буддийских сочинений на китайский язык, в создании буддийских школ и приобщении китайцев к буддийскому вероучению.

Народы Средней Азии – парфяне, тохаристанцы, ферганцы и, особенно, согдийцы – главные посредники в торговле шелком между Востоком и Западом, активно осваивали восточную часть Великого шелкового пути из Средней Азии в Китай, распространяли культурные достижения, технические новшества и различные религии. Согдийские торговые фактории существовали вдоль всей

восточной трассы Великого шелкового пути, от Самарканда до Чаньяна в Китае.

Во многих китайских письменных источниках отмечается, что жители Средней Азии, искусны в торговле, а в истории династии Тан сказано, что во владении Кан (Согд) «родившемуся мальчику язык намазывают каменным медом, а на ладони кладут клей, чтоб он был спадкоречив и крепко держал денежку ... Мужчина, достигший двадцати лет, уезжает в соседние владения и везде побывает, где только предвидит выгоду».

Данные о зарождении ранних форм дипломатических отношений между государствами и владениями Средней Азии содержатся уже в «Авесте». Причем, основным гарантом заключения межплеменных договоров и разрешения разногласий и военных конфликтов выступает в ней бог Митра.

Вероятно, с IX века до н.э. на территорию современного Ирана через Кавказ и Среднюю Азию происходит миграция иранских племен. Здесь они создали несколько племенных объединений, занявших определенные области, наиболее крупными из которых были Мидия на северо-западе и Парсуа на юго-западе Ирана, стоявших на пути создания государств.

Первым на историческую арену вышло Мидийское царство: основателем которого был Дейок, но подлинного своего могущества оно достигло при царе Киаксаре (625-585 гг. до н.э.), который, в частности, завоевал Ассирию, северную Месопотамию, Гирканию, Парфию, Арею и возможно, часть Согда, то есть южную область Средней Азии.

По данным Ктесия Книзского, Киаксар, якобы, покорил Бактрию, что весьма сомнительно. Вероятнее всего Мидийское царство ограничивалось с северо-востока Амударьей, где мидяне столкнулись с сакскими племенами.

Согласно Ктесию, в правлении Мидийского царя Астиабара, отождествляемого с Киаксаром, парфяне подняли восстание и отделились от Мидии. На помощь себе они призвали саков во главе с царицей Зариной, причем, продолжавшаяся несколько лет война между саками и мидянами завершилась мирным договором, по которому парфяне номинально подчинялись Мидии, фактически сохраняли за собой прежние владения. Таким образом, этот договор является первым известным в истории дипломатии Средней Азии международным договором, который можно датировать концом VII -

началом VI вв. до н.э. Дипломатические отношения Средней Азии с соседними государствами усилились после открытия Великого Шелкового пути. Империя Хань проводила агрессивную экспансионистскую политику, стремясь выйти за пределы небольшой территории в междуречье Хуанхе и Янцзы, которой она владела. Особенно усилилась эта тенденция при императоре Ву-ди (140-86 гг. до н.э.), уделявшего больше внимания западным территориям, где китайцы столкнулись с грозной военной силой - хуннами. При Шан юэй Моде хунны разгромили юэчжей и вынудили большую их часть бежать в Согд и Бактрию. Китайцы в поисках союзников против хуннов обратили внимание на юэчжей и для установления с ними дипломатических отношений и заключения военного союза была послана китайская миссия во главе с Чжан Цзянем. После многолетнего пребывания в плену у хуннов Чжан Цзяню удалось проникнуть в Среднюю Азию, где он провел соответствующие переговоры. Открытие Чжан Цзянем Западного края в 128 или 126 гг. до н.э. привело к налаживанию различных форм взаимоотношений, в том числе и дипломатических. Первой страной, с которой Китай установил отношения, была Давань - Фергана. Причем, одной из основных причин военных столкновений между странами послужили «небесные лошади» Ферганы. Согласно Шицзы, Ву-ди отправил к правителю Давани специального посланника с 100 ланами золота и золотым конем с просьбой прислать ему в обмен на эти дары даваньских аргамаков. Однако правитель Давани отказал китайскому посланнику в его просьбе, не желая отдавать лошадей, при этом он полагал, что из-за большой отдаленности Китай не сможет послать в Давань свои войска. Это вызвало гнев посланника и он ответил грубостью. Выражаясь современным языком, возник скандал, причем посланник был убит (видно, в ту пору еще не существовало понятие дипломатической неприкосновенности), а его вещи были конфискованы в пользу даваньского владельца. В ответ на это китайский император послал в Фергану почти 100 тыс. армию во главе с полководцем Ли Гуан-ли. Началась китайско-даваньская война, продолжавшаяся 4 года и закончившаяся поражением Давани. На место прежнего его владельца Мугуа, казненного по приказу Ли Гуан-ли, был посажен один из старейшин Моцай, и китайцы, получив 3000 лошадей, отправились в обратный путь. Спутя 1 год, даваньские старейшины убили Моцай из-за его прокитайских позиций, а на престол возвели его младшего сына Чаньфыня, который заключил

мирный договор с Китаем (это был первый договор между Китаем и одной из стран Средней Азии), отправил своего сына в заложники и взял на себя обязательство ежегодно отправлять в Китай по паре лошадей «небесной породы». В ответ императорский двор, чтобы укрепить мирные отношения с Даванью, отправил сюда посланника с дарами. Отправляясь из Давани в обратный путь, китайский посланник взял с собой виноград и семена растения Му-су, которые витем были разведены во дворце китайским императором на большой территории. Таким образом, Китай впервые познакомился с такими важнейшими сельскохозяйственными культурами как виноград и люцерна.

После завершения даваньско-китайской войны дипломатическая деятельность Китая в западном крае стремительно возрастает. Согласно «Истории старшего дома Хань», ежегодно в различные государства Средней Азии при императоре Ву-ди отправлялось не менее 10 посольств.

В конце II в. до н.э., между 111-105 гг. до н.э. Китай по инициативе императора Ву-ди впервые установил дипломатические отношения с Парфянским царством, именуемым в китайских источниках Аньси. Китайский посланник был торжественно встречен на восточной границе военачальниками с 20.000 конницы и препровожден в столицу Парфянского государства. В обратный путь, китайское посольство отправилось с парфянским посланником, который привез в качестве подарков китайскому императору яйца страусов и фокусников и Личаня (г. Александрия в Египте).

В результате этих посольств и открытия Западного края возник Великий шелковый путь. Дипломатические отношения Ханьского Китая с среднеазиатским государством Кангюй складывались несколько по-иному. Обладая значительной военной мощью Кангюй проводил независимую от Китая политику, не признавая в дипломатических отношениях превосходство китайцев. Так, согласно данным «истории старшего дома Хань», китайские посланники при приемах у кангюйского правителя занимали место ниже усуньских, а обед им подавали позже, чем усуньским князьям и старейшинам. Однако, Китай, высоко дороживший приобретенной известностью в Западном крае, во что бы то ни стало стремился удержать здесь свои позиции, мирясь с подобным положением. Не признавая Китай своим сувереном, как к примеру Усуни, кангюйский правитель тем не менее отправлял своих сыновей на службу при императорском Дворе.

Китайцы считали, что это был хитрый предлог, способствующий развитию торговли Кангюя с Китаем. Несмотря на то, при посещении Чжан Цзянем Бактрии, юэчжи по-видимому, отвергли предложение о военном союзе с Китаем против хуннов, дипломатические отношения между ними продолжали развиваться.

Одним из важнейших достижений этих отношений стало проникновение буддизма в Китай, чему не мало способствовали юэчжские посольства в Китай и китайские посольства в Бактрию.

В китайских письменных источниках переданы две основные версии знакомства китайцев с буддизмом.

Согласно первой, изложенной во введении к «Сутра в сорок два отдела» ханьский император Миньди (58-75 гг.) отправил группу посланников в страну юэчжей, дабы получить священные тексты. Эта миссия имеет разные датировки: 60,61, 64,68 гг. н.э. После трех, а по другой версии 11 лет, посольство вернулось с текстом или переводом «Сутры в 42 отделе». Вместе с посольством прибыли и первые иностранные миссионеры-буддисты в Китае - Кашьяпа Матанга и Дхармаратна, после чего император построил буддийский монастырь Паймассу, или Баймассы.

По другой версии, согласно традиции, сложившейся в начале III в. н.э., китайский посланник ко двору юэчжей студент императорской академии Чин Лю был обучен юэчжским кронпринцем буддийским сутрам во 2 г. до н.э.

В китайских письменных источниках сообщается, что для управления западным краем назначен наместник и военный пристав, что кажется сомнительным.

В этом отношении характерного одно сообщение «Истории Старшего дома Хань», где говорится, что китайские послы «без наличных денег не могли получить ни пищи для себя, ни скота для верховой езды и сему причина отдаленность Китая». Если бы зависимость данных владений была значительна, то лица, находившиеся на государственной службе, в данном случае империи Хань, не попадали бы в подобное положение. Вероятнее всего, наместник и пристав были ответственными лицами за дипломатические отношения, но не занимались вопросами, связанными с управлением владений Средней Азии. Важным результатом установления дипломатических отношений между Ханьским Китаем и Средней Азии явилось развитие торговых и

культурных связей, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и археологические данные.

Согласно археологическим данным, из Китая в Среднюю Азию, в особенности в Фергану и отчасти в Согд, проникают китайские бронзовые монеты у-шу, положившие начало развития в Фергане денежных отношений. В массовом количестве в Средней Азии найдены китайские бронзовые зеркала нескольких типов. Изредка встречаются и изделия из нефрита. В 7 г. н.э. власть в Китае захватил Ван-Ман (7-23 гг. н.э.), в китайской исторической традиции считающийся узурпатором. После этого дипломатические отношения стран Средней Азии и Китая были прерваны.

Приход к власти младшего дома Хань в 25 году, также первоначально не способствовало развитию этих отношений, хотя в правлении императора Тянь-ву из одного из среднеазиатских владений было отправлено посольство в Китай с просьбой принять его в подданство и назначением китайского наместника. Согласно «Истории Младшего Дома Хань», западный край находился в разрыве с Китаем в течение 65 лет и только в 74 г. н.э. были возобновлены различные формы взаимоотношений.

Более прочному установлению дипломатических отношений между Средней Азией и Китаем способствовал поход китайского полководца Бань Чао в Западный край. По свидетельству «Истории Младшего Дома Хань», Бан Чао с войском прошел всю Среднюю Азию. и достиг даже западного моря, по-видимому Каспийского или Аральского. После этого похода ко двору императора явились посольства из Средней Азии с данью. Однако это были, вероятно, отдельные случаи, так как по данным того же источника, владения западного края то прекращали, то возобновляли связь с Китаем. В основном здесь, видимо, имеются в виду сношения Кангюем, состоящим в то время из пяти главных владений: Ги, вероятно, Бухара, Сусе - Кеш, Фуму - Самарканд, Юни - Чач и Юегань - Хорезм и множество более мелких. Дипломатические же отношения с Аньси - Парфией и Кушанским государством, в состав которого вошли северная Бактрия до Гиссарского хребта, составляли особую статью.

Во всяком случае, Парфия продолжала поддерживать дипломатические отношения с Китаем, ограничившись присылкой посланника и даров в виде редкостных животных. Так, в правлении императора Чжан - ди в 87 г. н.э. в Китай был отправлен посланник, привезший с собой в качестве дара льва, а в 101 г.н.э. Парфянский

государь Манькюй прислал ко двору также льва и страуса. Следует отметить, что именно через территорию Парфии по повелению Бань Чао некий Гань-инь в 97 г. н.э. впервые из китайцев достиг Средиземного моря, подробно описав при этом находившиеся здесь страны.

Дипломатические отношения различных владений Ср.Аз. и Китая в период правления в ней династий Цао Вэй (220-265 гг.), Цзинь (265-480 гг.) и Западного Вей (386-556, 557 гг.) приходит в полное расстройство, чему в немалой степени способствовала военно-политическая обстановка.

Происходит крушение Великих империй древности - Кушанской и Парфянской, во входившей в состав Кушанского государства Северной Бактрии образуется ряд самостоятельных владений, а в юго-западной части Ср.Аз. после падения Парфянского государства устанавливается власть Сасанидов. Кангюй также, вероятно в это время распался на множества мелких независимых владений. С северо-запада и северо-востока в Трансоксиану вторгаются племена хионитов и кидаритов.

Неустойчивостью политической обстановки, династийной борьбой, осложнявшейся вторжением хуннов и жужаней характеризуется это время и в Китае. Примечательно, что для второй половины III - начала V вв. н.э. фактически отсутствуют сведения о каких-либо формах дипломатических отношений среднеазиатских владений с Китаем. Более того, сообщается, к примеру, что во время царствования императора Минь-юань (409-423 гг.) совсем не принимали послов из западного края. Возобновление этих отношений связано с именем императора из династии Вей Тай-У (426-452 гг.), который отправил в Среднюю Азию. большое посольство во главе с чиновниками департамента императорских советников Дунь Ван и Гао Минь, снабдив их большим количеством даров, в том числе парчи и шелковых тканей.

В Среднюю Азию миссия Дунь Вана проникла северным путем, первоначально попав к Усуням, обитавшим в Семиречье, государь которых принял их с большим почетом. При этом усуньский государь сообщил Дунь Вану, что государство Полона (Фергана) и Чжеше (Чач) давно мечтают об установлении связей с Китаем, «но жалеют об отсутствии дорог». Надо понимать не как вообще их отсутствие, а то обстоятельство, что жужане и гунны фактически перекрыли эти

дороги, прервав сношения Китая с Средней Азией если не полностью, то в значительной мере.

От усуней Дунь Ван отправился в Фергану, а Гао Минь в Чач, где они заключили договор о признании этими владениями вассальной зависимости от Китая и вручили подарки.

Значение миссии Дунь Вана, восстановившей прерванные на многие годы дипломатические отношения стран Средней Азии с Китаем, можно в какой-то мере приравнять к значению миссии Чжан Цзяня, открывшей для Китая Западный край.

В обратный путь с Дунь Ваном отправились посольства 16 государств Средней Азии и как свидетельствует «Бэйши», с этого времени посольства прибывали одно за другим и не проходило года, чтобы не появилось несколько государственных посольств.

Значительная активизация дипломатических и другого рода взаимоотношений владений Средней Азии с Китаем, превосходящих все предшествующие, происходит в пору правления в Китае династии Тан (628-907 гг.) до второй половины VIII века, когда продвижение Китая в Среднюю Азию было остановлено арабами.

Таким образом, дипломатия в Средней Азии имеет давние и многовековые традиции.

Тема № 5. Возрождение Великого Шелкового пути в Республике Узбекистан в условия независимости.

План:

- 1. Программа ЮНЕСКО - Великий Шелковый путь - путь диалога и участие в ней Республики Узбекистан.**
- 2. Возрождение Великого Шелкового пути в Республике Узбекистан.**

Литература:

- 1. Каримов И.А. Без прошлого нет будущего, без сотрудничества нет прогресса. // Выступление на заключительном заседании 155 сессии исполнительного Совета ЮНЕСКО. Собр.соч. в 8-ми т.т. – Т.: Узбекистон. 1996. т.4.**
- 2. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по активизации участия Республики Узбекистан в возрождении**

- Великого Шелкового пути и развитию международного туризма в республике» от 31 мая 1995 года.**
- 3. Дорогами Великого Шелкового пути. /Сост. Кусанбаев Б.М. – Т.: Шарк. 1996.**
 - 4. Артыков А. ТАСИС-ТРАСЕКА: перспективы развития. // Экономика и статистика. 1998. №2.**
 - 5. Таксанов А. Моделирование есть даже в туризме. Приоритет в развитии глобального проекта «Туризм на Великом Шелковом пути» отдан Узбекистану. // Экономический Вестник Узбекистана. 2000. №3.**

Конец XX века характеризуется уникальными по геополитической значимости и масштабам изменениями в мире. Весь мир становится целостной и взаимозависимой системой. XXI век, очевидно, будет веком глобализации в международных отношениях. В этих условиях процесс интеграции государств Центральной Азии, расширения участия в международных программах необходимо рассматривать не только как историческую неизбежность, но и как мощный фактор устойчивости, стабильности как отдельных регионов, так и всей планеты. Одним из неперенных условий развития общества является - активный обмен информацией между народами и цивилизациями. Достижения культуры распространялись благодаря контактам между народами – через торговлю, завоевание, переселение. На благодатную почву пересаживались целые культурные пласты, и здесь начинался новый цикл развития в условиях новой исторической действительности: изменение, приспособление, приобретение местных черт, дополнение новым содержанием, развитие новых форм.

Особую роль в этом процессе играли караванные дороги, в частности Великий шелковый путь, который связывал в древности и раннем средневековье Китай, Индию, Среднюю Азию, Средний и Ближний Восток, Средиземноморье.

В свете этой концепции возрождение традиций Великого шелкового пути имеет важное значение не только для Центральной Азии, но для всего мира.

Учитывая уникальную в истории цивилизации роль Великого шелкового пути, международная организация ЮНЕСКО приняла программу «Великий Шелковый путь – путь диалога».

Основная идея программы – показать, как наряду с войнами на протяжении многих столетий протекали процессы общения между странами и народами, а главными факторами этого процесса служили торговые отношения и культурный взаимообмен, осуществлявшиеся по трассам Великого шелкового пути. За ее исполнение взялись международные группы, составленные из самых разных специалистов. Важнейшее место в реализации программы отводится республикам Центральной Азии, в памятниках, культуры которых сплелись воедино как местные, так и иноземные традиции.

В узловых точках Великого шелкового пути проведено полтора десятка научных семинаров и множество экспедиций. Среди проведенных одиннадцати экспедиций: «По следам Марко Поло» (июнь-август 1987 г., Стамбул-Пекин); «Морская» (23 октября 1990 г. 23 февраля 1991 г.); «По республикам Центральной Азии», завершившаяся в Хиве специальным научным семинаром в 1991 г.; «Экспедиция по маршрутам кочевой культуры» (июнь-август 1992 г. Монголия); «Европейский шелковый путь» (1995 г., Стамбул-Лион) и др.

Из большого числа научных международных конференций, посвященных Великому Шелковому пути, можно назвать «Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье» (Самарканд, октябрь 1990 г.); «Эпос государств вдоль Шелкового пути» (Турку, Финляндия, 3-7 июня 1993 г.); «Языки и письменности вдоль Шелкового пути» (Кипр, 30 сентября - 1 октября 1994 г.); «Возрождение шелкового пути: культурный туризм и возрождение наследия в Узбекистане» (Бухара, 21-22 февраля 1996 г.);

В некоторых странах Востока (Индия, Китай, Узбекистан, Шри-Ланка, Япония) созданы специальные научные институты по изучению Великого Шелкового пути.

Так, в Узбекистане в городе Самарканде по решению ООН и ЮНЕСКО основан Международный институт Центральноазиатских исследований (МИЦАИ). Один из проектов его работы предусматривает изучение городов и маршрутов Великого Шелкового пути. Откликом ученых Узбекистана на программу ЮНЕСКО стал сборник «На Среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры», вышедший в свет в 1990 году.

Итоговая конференция программы «Великий шелковый путь» прошла в Париже в 1997 году. Там же состоялась уникальная

выставка, которая показала культурные достижения азиатских народов разных столетий.

В ноябре 1998 года в Ташкенте состоялось заключительное заседание 155 – й сессии исполнительного совета ЮНЕСКО. На нем выступил Президент нашей республики И.А.Каримов, который выразил искреннюю признательность руководству ЮНЕСКО за содействие и поддержку в восстановлении исторической памяти и, в частности, отметил, что «результатом программы ЮНЕСКО «Шелковый путь – путь диалога» явилось создание в Самарканде Международного института центрально – азиатских исследований, который призван внести свой вклад в изучение истории цивилизации Центральной Азии...»

Великий шелковый путь несомненно имел важное экономическое и политическое значение в жизни народов Азии и Европы. Он служил своеобразным мостом между Востоком и Западом, благодаря которому происходило взаимодействие и сотрудничество народов как на торговом, так и на культурном поприще. Он свидетельствует еще и о том, что самым прекрасным способом контактов и общения народов является путь торговли, культуры и науки. И именно поэтому в наше время, на пороге XXI века актуальным стал процесс восстановления традиций Великого шелкового пути. Следует особо подчеркнуть, что наша республика предпринимает шаги в осуществлении этого процесса, Узбекистан принимает участие в реализации программы ООН «Расширение торговли посредством развития сотрудничества». Также стоит вопрос о создании транспортных коридоров, которые обеспечат выход к морским портам и будут способствовать возрождению Великого шелкового пути.

В мае 1993 г. в Брюсселе Европейской комиссией была организована встреча представителей государств Центральной Азии и Кавказа, а также Европейского Союза. Целью встречи являлось - рассмотрение возможности интеграции в мировую экономику новых независимых государств – стран Центральной Азии и Кавказа. Этот вопрос, прежде всего, был связан с развитием транспортной и коммуникационной систем. На Брюссельской встрече - был рассмотрен вопрос создания ТРАСЕКА – транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия. Эта встреча была первым практическим шагом в возрождении Великого шелкового пути. На ней был заключен межправительственный договор республик Центральной

Азии, других стран Организации экономического сотрудничества (ЭКО), согласно которому осуществляется строительство железнодорожной линии Теджен - Серахс - Мешхед, являющейся составной частью Трансазиатской магистрали, соединяющей Пекин со Стамбулом. Важным шагом на пути его реализации стала стыковка в 1996 г. в местечке Серахс железнодорожных магистралей Центральной Азии и Ирана. Завершение строительства планировалось к 2000 году. Открытие этого транспортного коридора будет способствовать дополнительному увеличению внешнеторговых отношений Узбекистана как на Востоке (страны Азиатско - Тихоокеанского региона), так на Западе (в Турцию и дальше в Европу).

8 сентября 1998 г. Президент нашей Республики Ислам Каримов принял участие в международной конференции, посвященной возрождению Великого шелкового пути, которая состоялась в столице Азербайджана. В конференции приняли участие представители 32 стран мира, а также представители ООН, Европейского банка реконструкции и развития, Всемирного банка. На Бакинской конференции ее участники одобрили предложение о создании Комиссии по осуществлению проекта ТРАСЕКА, учреждении, постоянного секретариата с главной резиденцией в Баку. Наряду со строительством железных дорог Узбекистан участвует в строительстве и реконструкции автомобильных дорог Андижан - Ош - Иркаштан - Кашгар, дающих выход в Китай и Пакистан, а также Бухара - Серахс - Мешхед - Тегеран.

Функционирование этих трансконтинентальных магистралей, которые практически совпадают с направлениями Великого шелкового пути, обеспечит - благоприятные возможности для осуществления внешнеэкономических связей Узбекистана и стран Центральной Азии, расширения транзитных перевозок из стран Азиатско - Тихоокеанского региона, Индии и Китая в страны Азии, Турцию, а также в Европу, и установление регулярных культурных и туристических отношений со многими странами мира.

Узбекистан является родиной проекта «Туризм на Великом Шелковом пути». Начиная с 1994 года к этому проекту подключились более 20 стран.

Руководство страны стимулирует развитие туризма на Великом Шелковом пути, о чем свидетельствует Указ Президента И.Каримова «О мерах по активизации участия Республики Узбекистан в

возрождении Великого шелкового пути и развитию международного туризма в республике». (31 мая 1995 г.)

Создается также современный Шелковый путь по маршруту Люлюньгань-Кашгар-Туркменбаши-Баку-Поти (или Батуми) - Констанца-Роттердам.

Как мы видим, на пороге третьего тысячелетия человечество столкнулось с необходимостью искать новые пути сотрудничества, или восстанавливать забытые, занесенные песками времен.

Недавно в* рамках программы исследования и возрождения Великого Шелкового пути группа узбекских ученых побывала в Китае. (2000 г.) В ходе этой поездки был снят документальный фильм «Правда о Шелковом пути», материалом для которого послужили исследования в городах Сиань, Ланьчжоу, Дуньхуан, Урумчи, Турфан, Кашгар. В 2001 году подобная экспедиция будет проведена по городам Средней Азии, расположенным вдоль Шелкового пути.

Великий шелковый путь на протяжении многих столетий служил сближению различных народов, обмену идеями и знаниями, взаимному обогащению языков и культур. Конечно, и в те далекие времена случались политические конфликты, вспыхивали войны, но Великий шелковый путь неизменно возрождался. Неистребимая тяга к общению, к разумной выгоде и более высокому благосостоянию постоянно брала верх над политической и религиозной конфронтацией. Поэтому при создании модели будущих взаимоотношений народов и сотрудничества необходимо использовать столь убедительный пример. История Великого шелкового пути – это история широкого культурного взаимодействия и взаимообмена между народами Востока и Запада. Она доказывает, что только тесное сотрудничество и взаимообогащение культур являются основой мира и прогресса для всего человечества.

**ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И
МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
(Учебно-методическое пособие)**

Подписано в печать 19.11.01. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага писчая. Усл. печ. л. 5,5.
Тираж 150. Цена договорная. Заказ №002

Издательство “Университет”. Ташкент-700095. Вузгородок, НУУз, Административное здание.

Отпечатано в минитипографии исторического факультета. Ташкент, Навои-36.

Приложение №1.

Ф.Ф.фон Рихтгофен

Приложение №2.

C H I N A

ERGEBNISSE EIGENER REISEN

UND

DARAUF GEGRUNDETER

VON

FERDINAND FREIHERRN VON RICHTHOFEN.

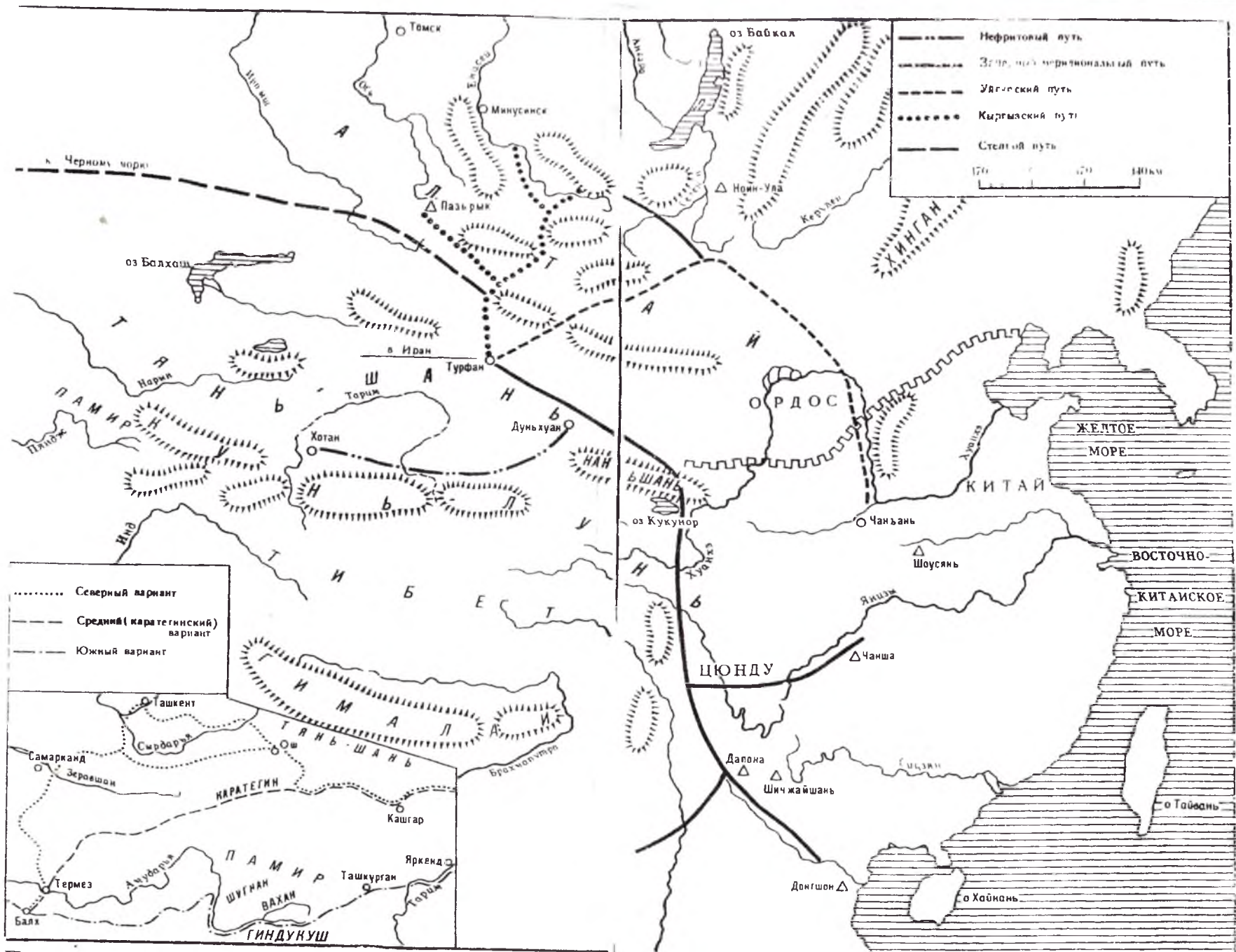
ERSTER BAND.

EINLEITENDER THEIL.

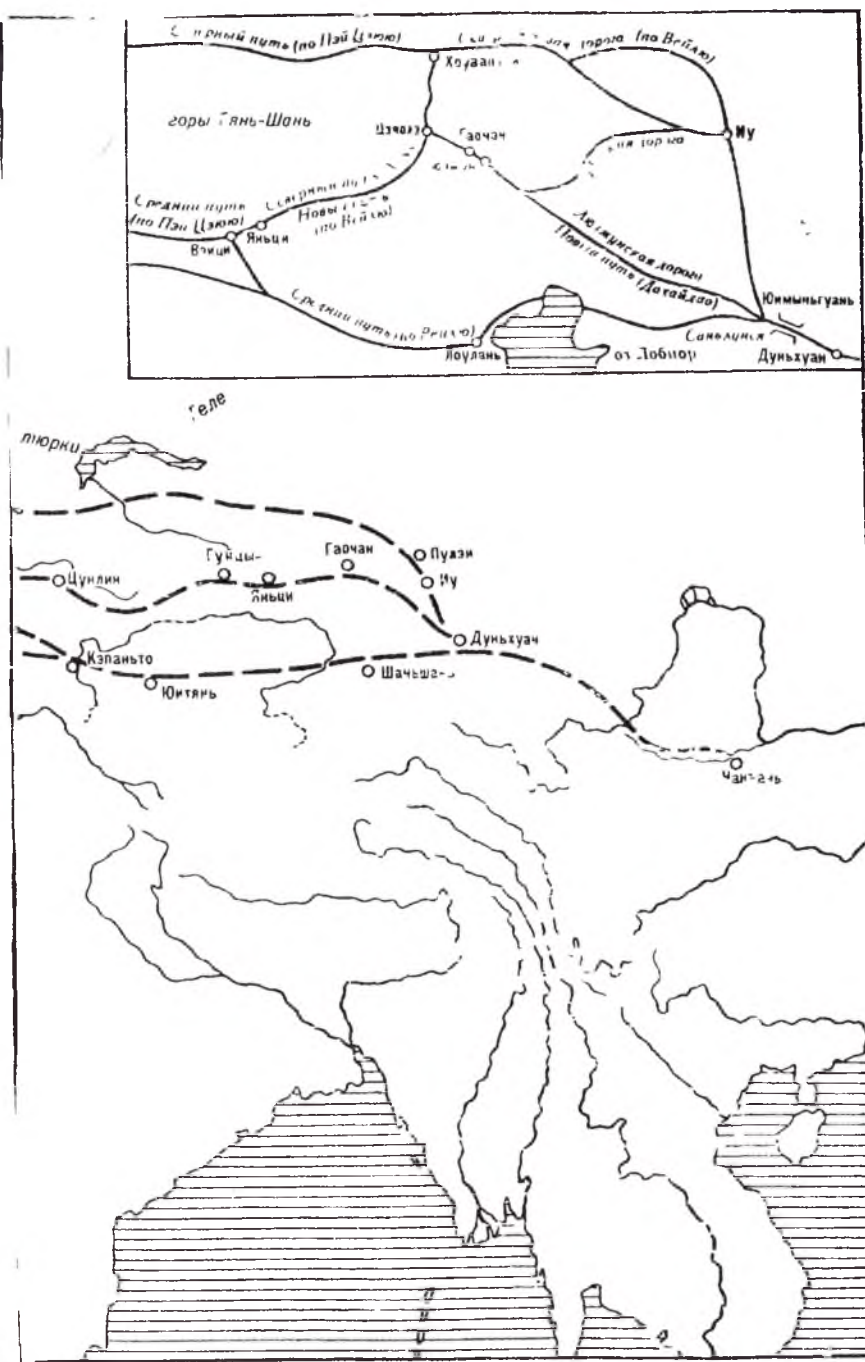
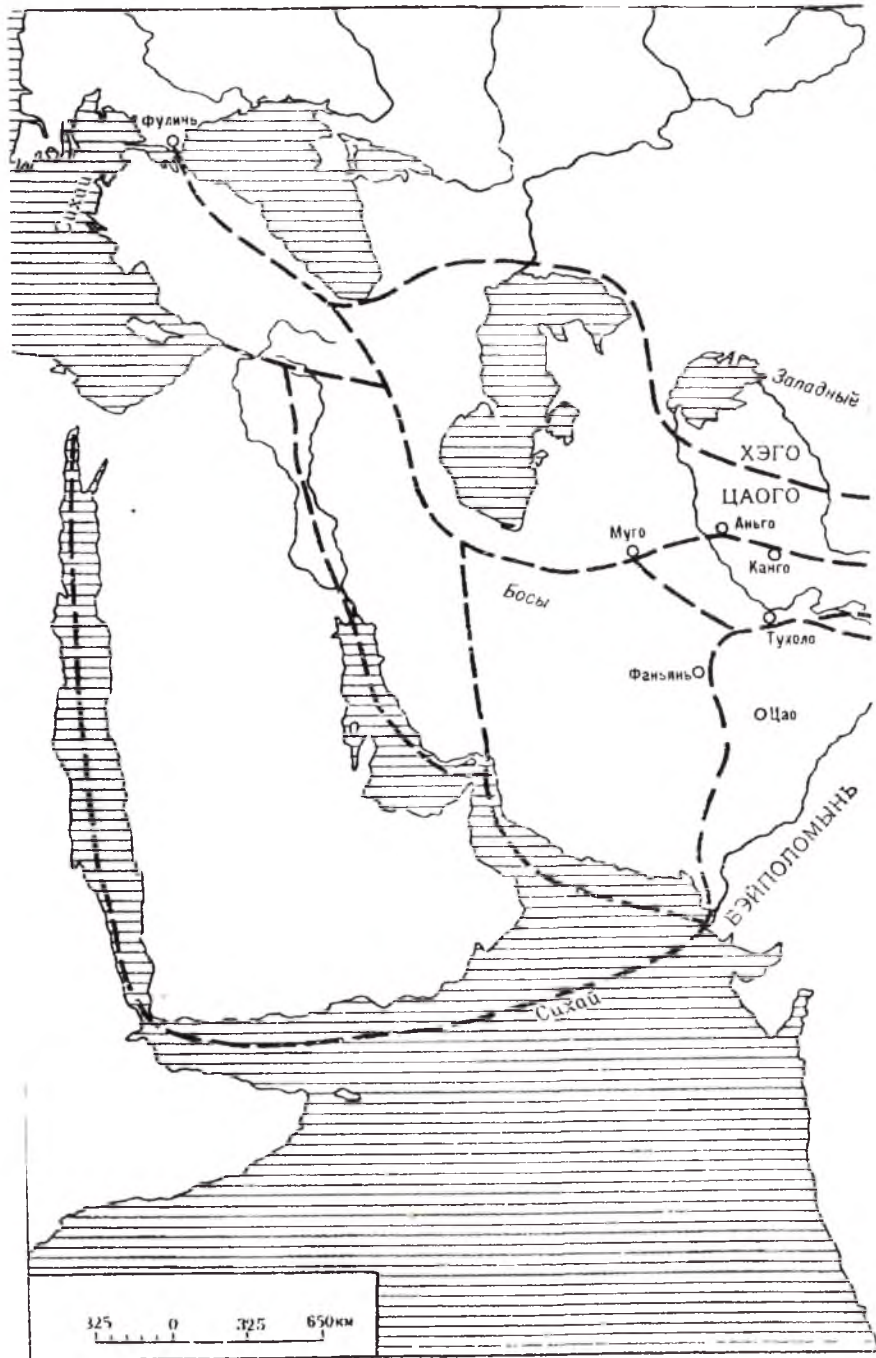
MIT XXIX HOLZSCHNITTEN.

BERLIN
VERLAG VON DIETRICH REIMER

1877.

Приложение №3. Торговые пути в Центральной и Восточной Азии (I тыс. до н. э. - I тыс. н. э.); на врезке - трасса Великого шелкового пути в Средней Азии.

Приложение №4. Великий шелковый путь в Центральной Азии и на Центральной Азии в эпохи Хань и Вэй (III в. до и. э.—III в. н. э.)

Переднем Востоке (по Пэй Цзюю); на врезке — Великий шелковый путь в

